

АВА
УЙЛДЕР

в переводе
МАКСИМА СОРОЧЕНКО

ВМЕСТЕ
или
НЕТ

18+

ХИТ
BOOK
ТОК

Ава Уайлдер

Вместе или нет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73337883

Вместе или нет:

ISBN 978-5-00216-457-8

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЁН И ВЛЕЧЁТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Они безумно влюблены – но только на телеэкране. Или нет?

Звезд популярного сериала «Неосязаемый» годами связывали романтические чувства, но Лайла была вынуждена покинуть проект в конце пятого сезона: ради того, чтобы получить большую роль, а еще ради того, чтобы больше никогда не встречаться с Шейном, отношения с которым окончательно зашли в тупик.

Но вот, спустя несколько лет, Лайла вынуждена вернуться к съемкам нашумевшего девятого и последнего сезона «Неосязаемого», в котором персонажи Лайлы и Шейна встретятся вновь. Теперь, воссоединившись на съемочной площадке, им придется стиснуть зубы и вести себя прилично, ведь на кону их карьера!

Содержание

Пролог	5
1	16
2	32
3	45
4	68
5	86
6	109
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Ава Уайлдер

Вместе или нет

Посвящается всем, кто терпел меня, пока я работала над этой книгой.

Спасибо вам, и простите меня за это.

© 2023 by Ava Wilder, LLC +

© Сороченко М., перевод, 2025.

© Швец М., иллюстрация, 2025.

© Издание на русском языке, оформление. Строки

Пролог

Восемь лет назад

Лайла Хантер понимала, что обнадеживаться не стоит. Шанс пройти кастинг в первый пилотный сезон весьма невелик, и даже если все получится, гарантий, что проект станет полноценным сериалом, никто не даст. Неделей ранее она дошла до финального этапа отбора в ситком о компании веселых одиноких девушек, живущих в каком-то условном городе, — однако сегодня по дороге на прослушивание узнала, что на роль ее не утвердили. И вот теперь Лайла вновь сидела в комнате ожидания.

Этот вариант выглядел еще более бесперспективным: одна из двух главных ролей телесериала, а не какая-нибудь героиня второго плана или съемки в массовке. Как и в большинстве других проектов, куда ее приглашали на пробы, она почти ничего не знала о самом сериале, кроме его названия («Неосязаемый»), имени ее героини (Кейт) и имени героя-партнера (Харрисон). Она прошла уже два раунда кастинга, стараясь собрать цельный характер героини из тех сцен, которые ей давали без контекста. И, вероятно, это сработало, раз уж ее допустили до парных прослушиваний.

В комнате находилось шесть человек: сама Лайла, еще две потенциальные Кейт и трое Харрисонов, при этом все делали вид, будто не оценивают друг друга. Все претенденты по-

нимали, что на данном этапе их индивидуальность уже не имеет никакого значения, — сейчас речь идет о подборе гармоничной пары, которая станет не просто суммой внешних данных двух актеров, а чем-то бóльшим. Лайла прошла так далеко исключительно благодаря своим усилиям, но теперь ее будущее в «Неосвязаемом» зависит только от ее способности уловить — или симитировать — мгновенную ощутимую связь хотя бы с одним из трех случайных незнакомцев, сидящих напротив.

И без принуждения.

Две другие Кейт выглядели как ее ровесницы, от двадцати до двадцати пяти лет, но в остальном они были такие разные, что становилось ясно: творческая команда не искала какой-то определенный типаж. Потенциальные Харрисоны также довольно сильно отличались друг от друга, хотя каждый из них соответствовал всем критериям телевизионных красавцев.

Как только Лайла вошла в комнату ожидания, ее внимание сразу же привлек один из Харрисонов. Он был не так хорошо причесан и не настолько ухожен, как два других претендента, — очевидно, он не стремился показаться профессиональным красавчиком.

И все же он *был* красив: длинные ноги, длинные ресницы, темные волосы, падавшие на лоб. Он был не просто красив, но и хорош собой, что не всегда одно и то же. За свое недолгое пребывание в Лос-Анджелесе Лайла познакоми-

лась с большим числом горячих в традиционном смысле слова парней, обладавших потрясающей харизмой. Но в этом молодом мужчине было что-то притягательное, нечто такое, чем можно любоваться, даже если он просто сидит и ничего не делает. Вероятно, причина заключалась в излучаемой им спокойной уверенности, что само по себе казалось странным в комнате, атмосфера которой была наполнена волнительным ожиданием.

Он почувствовал, что Лайла смотрит на него, и выдержал ее взгляд, а затем окинул ее своим оценивающим взором, едва не перейдя черту между вежливостью и плотоядностью. К своему удивлению, она ощутила, как ее сердце забилося быстрее, а щеки запылали. Она опустила глаза, чтобы не видеть, как он наблюдает за ее смущением.

В конце концов, может, ей вовсе и не нужно беспокоиться о том, как изобразить «химию»?

В комнату вошла Мэйси, кастинг-директор.

— Ну что же, всем привет! — сказала она, улыбнувшись. — Большое спасибо, что вы здесь. Мы, в свою очередь, постараемся сделать так, чтобы все прошло гладко.

Она объяснила, как все шестеро будут разбиваться на пары и чередоваться между собой, чтобы каждая Кейт получила возможность сыграть с каждым Харрисоном, но Лайла поняла только то, что она будет последней, — и не ясно, хорошо это или плохо. Безусловно, к концу прослушивания от одной и той же сцены все устанут, но у нее, по крайней мере,

появится шанс оставить за собой финальное впечатление.

Первая пара претендентов на роли Кейт и Харрисона последовала за Мэйси в коридор, а Лайла достала из сумочки листы с текстом. Она складывала и разворачивала их уже столько раз, что бумага стала мягкой и скрепка едва держалась на ней. Лайла помнила эти реплики наизусть, но решила подстраховаться, потому что никогда не считала прослушивания своей сильной стороной.

Нервы находились на пределе, страницы немного дрожали в руках, и она закрыла глаза, пытаясь дышать медленно. Как только Лайла успокоилась и снова открыла глаза, она увидела, что привлечший ее внимание претендент на роль Харрисона наблюдает за ней. Она почувствовала, как тревога возвращается и даже усиливается. Может ли случиться так, что «химия» сослужит ей *плохую* службу в этой ситуации, если она мешает сосредоточиться еще до того, как они перекинулись хотя бы парой слов?

Пока они ждали, двое других участников прослушивания завязали между собой разговор, и тихое бормотание стало перемежаться кокетливым, нарочито громким женским смехом. Лайла позволила себе еще раз встретиться с незнакомцем взглядом. Он посмотрел в ответ прямо, и уголок его рта приподнялся, проявив небольшую ямочку.

Прежде чем Лайла успела сообщить, что она хотела сказать — и хотела ли вообще что-то сказать, — в комнату ожидания зашла Мэйси и пригласила «красавчика» на пробы с

какой-то из прочих Кейт.

Вернувшись, он сел в кресло рядом с Лайлой.

Лайла скосила на него взгляд, но он сосредоточенно изучал сценарий, который держал в руках. Смутившись, Лайла отвернулась и стала смотреть в другую сторону. Тем не менее краем глаза она заметила, что он складывает страницы. Несколько секунд спустя она оглянулась — он смотрел прямо на нее, и вблизи ямочка показалась ей еще выразительнее.

– Привет! — просто сказал он.

Она почувствовала, что краска снова заливает ей шею.

– Привет.

– Я Шейн.

– Лайла.

Она пожала ему руку, внутренне поблагодарив за то, что он не стал говорить, какими холодными — особенно по сравнению с *его* рукой — были ее пальцы: казалось нервное напряжение и работающий кондиционер.

– Откуда ты? — спросила она. — Я расслышала акцент. Техас?

Гнусавость в выговоре гласных была еле уловима, и Лайла наверняка не обратила бы на нее внимания, если бы ее не учили прислушиваться к мельчайшим нюансам произношения.

– Оклахома. — Мужчина поморщился. — Неужели все так плохо?

– Нет, совсем нет. В общем-то нормально.

Она прикусила язык, чтобы случайно не брякнуть «*даже мило*».

– А *ты* откуда?

– Из Филадельфии. Отсюда рукой подать¹.

Шейн снова улыбнулся.

– Да ладно! Скажи «вода».

Она рассмеялась.

– Хорошая попытка. Только я потратила четыре года на то, чтобы избавиться от акцента.

Он тоже рассмеялся, и от его смеха внутри у нее все сжалось так, будто она оступилась на лестнице.

– Если ты пытаешься показать мне свой профессионализм, то у тебя получается.

Лайла опустила глаза на свою распечатку со сценарием — ей необходимо было отвлечься от магнетического притяжения его пристального взгляда.

– Это твой первый «пилот»?

– Вообще-то, это мое первое прослушивание. То есть треть, если посчитать все отборочные туры.

– Ого! Повезло тебе.

Шейн хмыкнул:

– Это точно! — Он огляделся по сторонам и тихо сказал: — Я ведь даже не актер. Я официант. Месяц назад обслужи-

¹ Город Филадельфия расположен на противоположной от Лос-Анджелеса стороне американского континента. *Здесь и далее прим. перев.*

вал Мэйси в «Виноградной лозе», и она предложила мне попытать счастья в кастинге.

Теперь понятно, почему он сидит с таким видом, будто ему все до лампочки. Он не такой, как остальные — те, кого терзает мысль, что они оказались всего в двух шагах от осуществления своей мечты... и что их, скорее всего, с треском опустят на землю. Если бы он бравировал своим безразличием к исходу прослушиваний, она потеряла бы интерес к нему раз и навсегда. Но он говорил почти виновато, словно осознавая, что попал сюда не вполне честным путем. Словно стыдился даже того, что прошел так далеко в отборах.

Однако сам факт, что он *прошел* так далеко, уже кое-что значил.

Лайла удивленно изогнула бровь.

– Выходит, такие, как ты, *действительно* существуют. А мне всегда казалось, что это нечто вроде городской легенды, вселяющей во всех нас надежду. Судя по всему, без конвейера «начинающий актер — сфера услуг» экономика Лос-Анджелеса рухнет.

У самой Лайлы в машине лежала униформа официантки — сразу после прослушивания она поедет на вечеринку, которую сегодня будет обслуживать.

Шейн покачал головой, и на его лице появилась ироничная усмешка.

– От работы в ресторане я точно пока не откажусь.

– На самом деле я уверена, что все эти пробы — простая

формальность перед тем, как они пригласят на роли блатных ребят из киноиндустрии. Твой отец ведь не руководит телеканалом, верно?

— Насколько мне известно, нет, хотя с тех пор, как я разговаривал с ним в последний раз, прошел уже почти месяц. — Он указал подбородком на страницы сценария, которые Лайла держала в руках. — Тебе рассказали о твисте в конце?

— В смысле? О том, что ты не знаешь, что ты призрак?

— А ты не знаешь, что ты экстрасенс!

Лайла рассеянно полистала страницы.

— Вот хитрюги!

— Ты о чем?

— Ну, знаешь, как бывает? Наверняка они подводят Кейт и Харрисона к затяжной игре, чтобы сексуальное напряжение между ними как можно дольше не разрешалось. Если персонажи буквально не могут прикоснуться друг к другу, это можно растянуть на годы.

— Го-о-оды... — повторил он, насмешливо приподняв брови. — Ты всерьез думаешь, что они заставят нас играть так долго?

Шейн произнес это совершенно спокойно, но, когда они встретились взглядами, от его слов у Лайлы перехватило дыхание. Она изо всех сил постаралась сохранить невозмутимое выражение лица.

— Ну, возможно, это будем не мы.

— Справедливо. — Шейн на мгновение задумался и кив-

нул. — Хотя, может, это и к лучшему. Такие вещи меняют ход всей жизни, согласна? Я не уверен, что готов к этому.

Его тон не изменился, но Лайла почувствовала, что за этим напускным безразличием скрывается что-то другое.

— Не факт, что все будет именно так, — сказала она. — Мы можем поучаствовать в «пилоте», и на этом все закончится. Или сериал снимут с эфира после трех серий. Что бы ни случилось дальше, вероятность того, что к началу следующего сезона ты вернешься в свою «Виноградную лозу», — примерно девяносто девять процентов.

Шейн склонил голову набок, и Лайла подумала, что он хочет отчитать ее за цинизм. Но его улыбка стала еще шире.

— Хм, хороший шанс! Тогда, похоже, нам не о чем волноваться.

— Да нет, всегда есть о чем волноваться, — пробормотала она и улыбнулась, когда он усмехнулся в ответ.

Он снова пристально посмотрел на нее, но когда зрительный контакт стал затягиваться и на смену легкому ритму беседы внезапно пришло молчание, улыбки исчезли с их лиц. Лайла слегка занервничала — от темных зрачков в окружении янтарных радужек она почувствовала себя совершенно беспомощной, как пойманная в ловушку муха.

— С нами все будет в порядке, — просто сказал Шейн.

И что-то в том, как он произнес это «нами», вызвало чрезвычайно непрофессиональный трепет внизу ее живота, быстро подавленный последовавшим приливом стыда. Но ведь

именно за этим они и пришли сюда, верно? А в ситуации, которая больше похожа на экспресс-свидание, чем на собеседование при приеме на работу, избежать таких побочных эффектов нелегко.

Но одно дело — чувствовать что-то. И совсем другое — действовать, руководствуясь этими чувствами.

Шейн сидел достаточно близко, и Лайла заметила недовыбритый участок кожи — маленький темный клочок щетины на челюсти. Она поймала себя на том, что вновь и вновь думает, каково это — наткнуться на него губами, скользящими по его лицу, и от этой мысли по ее телу пробежала горячая дрожь.

Внезапно Лайла почувствовала облегчение от того, что, в отличие от большинства парных проб на совместимость, сегодня не будет физического контакта. Ей не придется преодолевать себя, чтобы дотронуться до него в первый раз, когда за ними будут наблюдать незнакомые люди, сидящие за столом.

В первый раз? Черт возьми, с чего она вообще об этом думает? Вот уж забежала вперед так забежала. Даже если они получают эти роли, им не суждено прикасаться друг к другу — в этом весь смысл сюжета.

Она спохватилась, что слишком долго таращится на него, ничего при этом не говоря. А он все еще наблюдал за ней, в усмешке приподняв уголок рта. «*Ямочка*», — непроизвольно мелькнула у нее глупая мысль. Лайла приоткрыла рот и

резко вдохнула, как будто это могло облегчить произнесение слов, но так ничего и не сказала.

– Лайла? Шейн? — пришел на помощь голос Мэйси, заставив Лайлу вздрогнуть. — Вас уже ждут.

1

В наши дни

В этом можно было усмотреть горькую иронию, но даже сам факт, что Лайла Хантер вновь оказалась в комнате наедине с Шейном Маккарти, стал очередным напоминанием о том, что вся ее жизнь пошла наперекосяк.

Она должна была подготовиться к такой ситуации. Ведь это всего лишь вопрос времени. К счастью, Шейн не летел с ней в одном самолете в Нью-Йорк, и они не сталкивались в отеле. Разумеется, она знала, что увидит его вечером. Но все-таки наивно предполагала, что мероприятие будет достаточно суматошным и им удастся сохранить некоторую дистанцию, чтобы не пересекаться друг с другом, не говоря уже о каком-либо общении. Во всяком случае, сегодня.

Поначалу все так и было.

Час назад за кулисами мюзик-холла Radio City было многолюдно: все гости собрались, чтобы поучаствовать в ежегодной презентации новых продуктов телекомпании *UBS* в рамках самого важного телевизионного события года. В течение одной майской недели все крупные телекомпании страны по очереди раскрывали потенциальным спонсорам свои планы на осень и приглашали собственных звезд, преподнося свои презентации как можно ярче в попытке привлечь рекламные доллары.

Лайла избегала Шейна с того момента, как только пересекла порог комнаты ожидания, но на самом деле он первый начал избегать ее. Когда она вошла, их взгляды тут же встретились, и по ее спине непроизвольно пробежали знакомые мурашки отвращения. К этому она тоже должна была себя подготовить.

Если бы он попытался сделать вид, что рад ей, или просто не выразил бы никаких эмоций, она бы подошла и тепло, как ни в чем не бывало, поприветствовала бы его. Да, именно так она бы и поступила. Но он замолчал на мгновение, нахмурился, сжал губы и... решительно повернулся к ней спиной, чтобы продолжить прерванный разговор. Ну и прекрасно! Пусть будет так, раз он этого хочет.

Лайла расправила плечи, неторопливо прошла вглубь комнаты и завязала светскую беседу с первым знакомым, которого увидела.

Толпа постепенно редела — по мере того, как ожидающих небольшими группами приглашали на сцену. Последним в программе вечера *UBS* значился «Неосязаемый»: поистине грандиозный финал. Телекомпания перед большой презентацией каким-то образом сохранила в тайне возвращение Лайлы в шоу, поэтому ее появление за кулисами вызвало ажиотаж даже среди ярчайших представителей медиасети. Лайлу немного смутило такое внимание, хотя одновременно и отвлекло.

Наконец Лайла и Шейн остались в комнате вдвоем. Они

сидели, развалившись на диванах в противоположных концах помещения, и старательно игнорировали друг друга. Они пробыли здесь больше часа, однако никто из них не проронил ни слова — прошло уже почти три года с тех пор, как они разговаривали в последний раз, на вечеринке по поводу окончания ее работы в сериале.

Лайла ощутила, как к лицу приливает жар. Так, это последнее, о чем сейчас стоит думать. Нужно сосредоточиться. Их могут вызвать на сцену в любой момент, а Шейн сам по себе отвлекающий фактор.

Теперь он носил бороду. Волосы стали длиннее — они были по-прежнему темными, но стали более волнистыми, чем ей казалось раньше, и почти касались воротника. Впрочем, все это едва ли было для нее новостью. Реклама последних сезонов «Неосязаемого» — тех, что снимались без нее, — встречалась буквально повсюду. Лицо Шейна с недавно отпущенной бородкой красовалось на каждом билборде бульвара Сансет.

К горлу подкатил комок, когда всплыло непрощенное воспоминание о том, как они впервые заметили рекламный щит «Неосязаемого», на котором были изображены вдвоем, — еще до того, как в эфир вышел первый сезон сериала. Они по очереди фотографировались на фоне билборда — смеющиеся и легкомысленные. После того, как они переслали фотографии родителям, Шейн обнял ее одной рукой за плечи, а вторую вытянул как можно дальше и сделал единствен-

ное размытое селфи, на котором они запечатлены вместе, причем рекламный щит едва попал в кадр. Эта фотография предназначалась только для них.

Лайла неожиданно для себя громко выдохнула — так громко, что получился почти стон. Шейн взглянул на нее, но тут же отвел глаза. Лайла уставилась на свои колени. Все это ошибка — финальная в длинной череде ошибок. Сгоревший мост невозможно восстановить из пепла — сколько денег на это ни трать.

– Классная прическа.

Вскинув голову, Лайла увидела, что Шейн смотрит на нее почти скучающим взглядом из-под полуприкрытых век. Ее рука непроизвольно метнулась вверх и прикоснулась к кончикам волос. Лайла укоротила их длину до подбородка несколько месяцев назад, испытывая острый эмоциональный стресс (как известно, именно в таком порыве и делается большинство радикальных стрижек).

Шейн произнес это так равнодушно, что невозможно было понять, с сарказмом он говорил или искренне. Но когда дело касается Шейна, предполагай самое худшее — не ошибешься. Впрочем, в любом случае он лжет. Эта стрижка — все еще неровная даже после нескольких месяцев отращивания — совсем ей не шла. Сегодня волосы выглядели более-менее нормально — благодаря профессиональной укладке перед мероприятием, — но в обычные дни, когда Лайла смотрела на себя в зеркало, она казалась себе еще од-

ним недоразумением.

Лайла оставила в покое прическу и скрестила руки на груди, пытаясь подстроиться под его язвительный тон.

– Спасибо. Классная борода.

К сожалению, борода *действительно* была ему к лицу. Оставалось надеяться, что ее фраза прозвучала достаточно двусмысленно, чтобы посеять в нем похожие семена неуверенности. Но даже если ее уловка и сработала, он не подал виду.

– Спасибо.

Он долго удерживал ее взгляд, а потом резко вздохнул, будто намереваясь сказать что-то еще. Однако вместо этого лишь слегка покачал головой, ухмыльнулся и отвел глаза в сторону.

– Что? — спросила она, не сумев сдержаться.

Он снова посмотрел на нее.

– Уверен, ты даже не думала, что когда-нибудь вернешься сюда, так ведь?

Показное дружелюбие Шейна только усилило ощущение горечи.

Отвечать было бессмысленно. Это риторический вопрос. Разумеется, она не думала, что в конечном итоге сюда вернется. И он, очевидно, тоже. Иначе они бы не стали тратить ее последние недели работы в сериале на то, чтобы еще больше расширить бесконечный список взаимных претензий.

Он сменил позу — наклонился вперед и небрежно поло-

жил локти на колени. Судя по тому, как он вытянул шею в сторону двери, ему точно так же, как и ей, не терпелось поскорее убраться отсюда. Он что-то буркнул себе под нос.

— Что, прости? Я не расслышала, — раздраженно сказала Лайла.

Он вновь повернулся к ней.

— Я сказал, что *все это какой-то бред*.

В этот раз каждое слово было произнесено совершенно четко.

Она заставила себя сделать глубокий вдох, чтобы успокоиться, но это не помогло — ее тон оказался не менее ядовитым:

— *Поверь*, это была не моя идея.

Веселая искорка промелькнула в его глазах, немного разрядив обстановку.

— Верю. Я видел твой фильм, — ответил он, скорчив гримасу.

Лайла сердито посмотрела на него — щеки ее пылали румянцем.

Три года назад ей казалось, что уход из сериала не станет для нее проблемой. Она отыграла в нем пять сезонов, контракт истек, ее популярность росла, а отношения между ней и Шейном испортились окончательно: они не говорили друг другу почти ничего кроме того, что было прописано в сценарии. И естественно, она ухватилась за предложение, которое выглядело так перспективно: полнометражная экранизация

мемуаров одного титулованного журналиста об отношениях с его непутевой матерью — и все это под руководством известного режиссера, с которым она мечтала поработать.

Теперь, по прошествии времени, она понимала: уже тот факт, что создатели фильма готовы были взять двадцатисемилетнюю девушку на роль, в которой предполагалось охватить период жизни от тридцати пяти до семидесяти лет, должен был подсказать ей, что за кулисами творится что-то неладное. Тем не менее, Лайла выложилась с максимальной отдачей, игнорируя тревожные предчувствия, которые усиливались по мере того, как шли съемки. Свои опасения она списывала на обычную неуверенность, возникшую из-за того, что впервые за много лет попробовала себя в качестве актрисы большого кино.

Но неприятности начались раньше, чем закончились съемки: в сеть просочилась откровенно неприглядная фотография, на которой Лайлу запечатлели в «старческом» гриме. Фотография мгновенно стала вирусной, превратившись в унизительный мем. Сестра переслала ее Лайле с подписью: «Это тебе — после того, как я посмотрела фотку уже миллион раз».

Тогда Лайла посмеялась, но потом стало совершенно не до смеха.

С самим фильмом вышло еще хуже — его расценили как крах карьеры для всех, кто в нем участвовал. Фильм получился не просто посредственным, а дрянным — настоя-

щая низкопробная дешёвка. Впервые читая сценарий, Лайла мысленно репетировала свою речь на вручении премии «Оскар», но к моменту выхода фильма на экраны ей уже хотелось лично просить за него «Золотую малину». На следующий год ей не предложили ничего, кроме рекламы противозачаточных средств.

К счастью для Лайлы, «Неосязаемый» попал в такое же отчаянное положение, в каком находилась она сама. Несмотря на все усилия, рейтинги сериала, лишившегося героини в ее исполнении, катастрофически сползли вниз. Лайла не питала иллюзий, что история держалась исключительно на ней: сериал оказался бы точно в такой же ситуации, если бы вместо нее ушел Шейн. Независимо от того, какие чувства они с Шейном испытывали по отношению друг к другу при выключенных камерах, именно магия чувств между их персонажами, Кейт и Харрисоном, делала сериал достойным просмотра. Лайла это понимала. Шейн это понимал. И весь мир, черт возьми, тоже понимал это!

И вот, на счастье или на беду, она согласилась вернуться в последний сезон.

Поначалу это предложение показалось ей спасательным кругом. Главная роль в популярном телесериале — не самый плохой вариант, с какой стороны ни посмотри. Но едва она зашла за кулисы и все сидящие в комнате практически синхронно повернулись к ней, она мгновенно поняла, что ждет ее впереди. Конечно, кое-кто искренне порадовался ее появ-

лению, но тех, кто недоуменно поднял брови и отвернулся, было не меньше, а ее бывший (и будущий) партнер по площадке повел себя хуже всех.

Лайла никого не винила. Она все понимала. Она бросила людей, которые на нее рассчитывали, а когда ее надежды на успех не оправдались, прибежала обратно. От мысли о том, как к ней будут относиться актеры и съемочная группа «Неосязаемого», когда она вернется на площадку, у Лайлы скрутило желудок.

Судя по ледяному приему, который она получила от сидевшего напротив нее актера, надеяться на что-то хорошее не стоит. Но, с другой стороны, для него подобное поведение было в порядке вещей.

В этот момент дверь приоткрылась и в комнату заглянула ассистент режиссера.

– Лайла? Шейн? Идемте за мной.

Лайла встала, поправила юбку и, ускоряя шаг, пошла за Шейном, который находился уже на полпути к выходу. С учетом ее невысоких каблучков, они были почти одного роста — около ста восьмидесяти сантиметров. Она всегда радовалась тому, что на съемках ей разрешали носить удобную обувь, иначе всякий раз, когда они стояли бы рядом, она выглядела бы над ним на несколько сантиметров (что, очевидно, огорчало бы аудиторию). Как только Лайла поравнялась с Шейном, она гордо подняла подбородок и постаралась вытянуться как можно выше. Сегодня она хотела получить

над ним любое доступное ей превосходство.

Ассистент отвела их к исходной точке за кулисами и вручила каждому по беспроводному микрофону.

— Подождите здесь, пока вас не объявят, — театрально прошептала она, прежде чем снова исчезнуть.

Лайла стояла неподвижно, стараясь игнорировать ощущение прожигающего ее насквозь взгляда Шейна. Каждый мускул ее тела был напряжен, а под ложечкой закрутило, едва она почувствовала запах его мыла — еле уловимый, но все равно до боли знакомый. И только когда Шейн отвернулся, Лайла бросила в его сторону осторожный взгляд.

Теперь, когда он стоял к ней ближе, она разглядела несколько седых прядей, пробившихся в его темных волосах. Ее взгляд скользнул по угловатой линии подбородка, которая, как она знала, скрывалась под бородой, и опустился к дорогому на вид костюму — темно-синему, идеально подогнанному по плечам и крепким бицепсам.

В первый раз, когда они вместе выходили на сцену, Шейн выглядел нелепо — он явился во взятом напрокат дешевом смокинге, который был ему почему-то и мал, и велик одновременно. Впрочем, не ей бы об этом судить. В тот день она пришла в страшно модном платье, на которое потратила все деньги с кредитной карты. Она аккуратно заправила внутрь все бирки, но так и не смогла удержаться, чтобы не поддеть Шейна:

— *Я и не знала, что мы идем на выпускной бал для млад-*

ших классов.

— Тогда что я должен думать по поводу твоего декольте? — парировал он с ухмылкой.

Лайла с трудом переключила внимание на то, что происходило на сцене. Хэл Кэйган, президент *UBS*, объявлял участвующих в программе вторника актеров, важно зачитывая текст с телесуфлера:

— Почти десять лет назад я стоял на этом же месте и представлял вам пилотный проект, который впоследствии стал одним из наших самых популярных шоу: телесериал часового формата о сверхъестественном под названием «Неосязаемый». — Хэл сделал паузу для аплодисментов. — Но все хорошее, к сожалению, когда-нибудь кончается. «Неосязаемый» завершится в следующем году, после девяти невероятных сезонов, и уж поверьте мне, финал будет бомбой. А теперь давайте оглянемся назад и вспомним некоторые из самых замечательных моментов жизни Кейт и Харрисона.

Хэл отошел на противоположную сторону сцены, и свет в зале потускнел. Лайла не видела экран, но воображение легко дополняло громко звучавшую аудиодорожку картинками из пилотного эпизода. Первая встреча Кейт и Харрисона состоялась на прослушивании. Сейчас, восемь лет спустя, большая часть материала стерлась из памяти — тексты ролей быстро заучивались и так же быстро забывались после съемок, — но первую сыгранную сцену она по-прежнему помнила наизусть.

– Чего ты хочешь?

Ее юный голос звучал с придыханием и показался ей гораздо более звонким.

– На самом деле я надеялся, что именно ты поможешь мне в этом разобраться, — ответил Харрисон.

Лайла прекрасно помнила, что на парном прослушивании Шейн бросил на нее тот самый взгляд, от которого все реплики вылетели у нее из головы. Она была уверена, что ее промах будет стоить ей роли, но позже узнала, что именно этот момент убедил руководство телеканала утвердить их пару.

Следующие пять сезонов пролетели нескончаемой чередой кадров, смонтированных под энергичный кавер главной песни: они препирались, шутили, разгадывали сверхъестественные тайны (кстати, большинство сцен разыгрывалось в метро Лос-Анджелеса) и, конечно же, с тоской поглядывали друг на друга, думая, что второй партнер этого не видит.

Основная сюжетная линия пятого сезона строилась вокруг планов Кейт и Харрисона вернуть Харрисона к жизни путем восстановления его телесной оболочки. В финале сезона, когда казалось, что они достигли своей цели и вот-вот упадут в объятия друг друга, Кейт внезапно обмякла и жизненные силы покинули ее — так неожиданно проявился побочный эффект их совместных усилий.

Отчаянные рыдания Харрисона заполнили зал:

– Кейт... господи, пожалуйста, нет... прошу... Ты не можешь оставить меня, не сейчас... Кейт... *КЕЙТ!*

Лайла готова была поклясться, что слышала всхлипывания в разных концах зала. Даже она не могла не восхищаться игрой Шейна. Тогда ей казалось, что у него не хватит на это сил. Чуть меньшее впечатление произвел на нее чесночный тост с лососем, который Шейн съел перед съемками, и Лайла задействовала весь свой профессионализм, чтобы сохранить лицо расслабленным, пока он выдыхал прямо на нее этот рыбный запах.

Видео завершилось под аплодисменты, свет зажегся, и Хэл вновь вернулся на сцену.

— Мы гордимся и последними тремя сезонами «Неосязаемого», однако стержнем этого шоу всегда были отношения между Кейт и Харрисоном. — Хэл сделал паузу, чтобы усилить драматический эффект. — Дамы и господа... Я чрезвычайно *взволнован* и с гордостью объявляю вам, что Лайла Хантер возвращается в девятый, заключительный сезон «Неосязаемого»!

Конец фразы заглушили бурные аплодисменты. Лайла физически ощущала раздражение, волнами исходившее от Шейна. Хэл продолжил:

— Прошу вас, встречайте на этой сцене звезд сериала «Неосязаемый» Шейна Маккарти и Лайлу Хантер!

Все-таки имя Шейна Хэл произнес первым, с грустью подумала Лайла. Наверняка это немного утешит его самолюбие.

Лайла через силу заулыбалась и пошла вслед за Шейном

по направлению к ослепляющему свету. Они оба махали руками, пока зрители ревели от восторга. Шейн и Хэл пожали друг другу руки, а Лайла наклонилась и поцеловала Хэла в щеку.

Повернувшись к зрителям, Шейн поднял микрофон.

— Спасибо. — Он кашлянул и посмотрел на Лайлу. — Полагаю, я вправе сказать от имени каждого из нас двоих, что мы чрезвычайно благодарны за все это путешествие, и особенно за то, что нам удастся закончить его так же, как мы его начали: вместе.

Он шагнул к Лайле, и внутри у нее все сжалось. Но прежде чем она поняла, что происходит, он наклонился, взял ее за руку и притянул к себе — платонически, но, несомненно, интимно. От неожиданности она вытаращилась на него и поймала этот его нереальный Взгляд, а его лицо оказалось всего в паре сантиметров от ее лица. Шейн даже не дал ей времени подготовиться. Это безумно несправедливо, что он до сих пор, после стольких лет взаимной ненависти, способен так сильно влиять на нее. Лайла с трудом подавила волнение.

— Абсолютно верно, — наконец выдавила она, лучезарно улыбнувшись Шейну, а затем повернулась к залу. — Я, то есть *мы* невообразимо рады возможности подарить Кейт и Харрисону тот финал, которого они заслуживают.

— Еще раз спасибо вам за любовь, которую вы питали к ним — и к нам — на протяжении многих лет. Без вас мы бы тут не стояли, — сказал Шейн и вновь сжал ее руку.

В оцепенении, не чувствуя ног, Лайла последовала за ним со сцены, а радостные возгласы публики эхом отдавались в ушах. Уже другая помощница режиссера проводила их вниз к служебному выходу, где снаружи выстроилась длинная вереница лимузинов, готовых развезти гостей по отелям.

Оглянувшись, Лайла увидела напряженное лицо Шейна и глубокую морщину между бровями. На его лице не осталось и следа от того тепла и той приветливости, которые оно излучало минутой ранее. Лайле стало интересно, не вспоминает ли Шейн то же самое, что и она: их первое посещение презентации телесериала ровно восемь лет назад — сразу после того, как «Неосязаемый» запустили в производство.

В тот вечер они впервые переспали.

Они встретились в баре отеля после презентации, и влечение, которое разгоралось между ними с тех пор, как сняли пилотный эпизод, достигло апогея. Псевдо-невинные прикосновения — как бы случайные прикосновения рук к предплечьям или пояснице, касания коленями, шепот губ возле щек — становились все более умышленными, более горячими, а когда она вернулась из туалетной комнаты, он обнял ее за талию, усадив к себе на колени совершенно естественным образом. Так, словно она сидела на них уже не в первый раз.

Теперь она вновь оказалась здесь, рядом с ним, и все эти «впервые», «навсегда», «никогда больше» приобрели необычайную остроту и яркость, превратившись в комок тревоги, из-за которого ей было трудно дышать.

И только когда Шейн встретился с ней взглядом, она поняла, что продолжает смотреть на него. Лайла поспешно отвела глаза.

– Предпочтете ехать вместе или отдельно? — прощепетала помощница режиссера.

– Раздельно! — выкрикнули они в унисон.

Между презентацией финального сезона сериала и первой коллективной читкой сценария прошло сорок четыре дня без Лайлы Хантер, и Шейн, как мог, наслаждался каждым из этих дней. За это время случилось лишь одно потенциально опасное событие — первые фотосъемки рекламы девятого сезона, — но их с Лайлой, как повелось со второго сезона, сфотографировали отдельно, на разных сессиях, после чего соединили на снимках.

На сорок третий день Шейн отправился в ресторан «Виноградная лоза», где за ланчем была назначена встреча с его агентом. Он прибыл рано, но Рената уже была на месте: когда администратор проводила Шейна через переполненную заднюю террасу, он увидел, что Рената уже сидит за столиком, устроившись среди диванных подушек с цветочным орнаментом.

Шейн не считал «Виноградную лозу» наиболее подходящим местом для встречи, но понимал, почему Рената выбрала именно этот ресторан. Во-первых, сюда следует пойти, если хочешь, чтобы тебя заметили. А во-вторых, именно там Мэйси, кастинг-директор «Неосязаемого», «открыла» Шейна. По иронии судьбы, Шейн оказался в числе тех немногих сотрудников ресторана, которые не пытались настойчиво проникнуть в шоу-бизнес — поэтому, когда стало извест-

но, что он ходил на кастинг, отношение коллег к нему резко ухудшилось. Если бы Шейн не получил эту роль, ему, скорее всего, пришлось бы искать другую работу.

Его актерская карьера началась в некотором смысле шиворот-навыворот: поисками агента он озаботился уже после того, как ему предложили роль. Контракт с Ренатой он подписал лишь потому, что она в отличие от других не обещала за пять лет сделать из него нового Итана Эткинса. Не менее важным оказался и тот факт, что Рената с ее громким хриплым голосом курильщицы и пронизательными глазами была ужасно похожа на любимую тетю Шейна — ту, что пять раз выходила замуж (но всего за трех разных мужчин).

За восемь лет их сотрудничества Шейн так и не понял, правильно ли поступил, наняв Ренату, поскольку она ни разу не организовала для него ни одного прослушивания — впрочем, он к этому и не стремился. На съемках в «Неосяземом» он был занят по двенадцать-шестнадцать часов в день, девять месяцев в году, и вовсе не горел желанием все свое свободное время посвящать работе. Но теперь приближался момент, когда ему впервые придется делать выбор.

Иногда Шейну казалось почти нереальным, что он вообще снимается в кино и люди воспринимают его как актера. Люди, но только не Лайла. Для мисс Классическое Образование, выпускницы Джульярдской высшей школы² художе-

² Одно из старейших высших учебных заведений США, занимающееся подготовкой высококвалифицированных специалистов в области искусств: музыкан-

ственных искусств, он навсегда останется официантом, которому просто тупо повезло.

– Привет, дорогой!

Рената привстала, чтобы обнять его, и Шейна накрыло ароматом ее духов. Они сели, и Рената тут же засыпала его вопросами:

– Ты любишь устрицы? Все время забываю, кто их ест, а кто нет. Ты же не собирался заказывать ассорти из морепродуктов на двоих, нет? Что ж, лишний раз уточнить никогда не помешает.

Как только администратор отошла от их столика, Рената, подперев подбородок ладонями, посмотрела на Шейна и с улыбкой произнесла:

– Итак, похоже, «Неосязаемый» подходит к концу.

– Да, так мне и сказали.

Рената наморщила лоб.

– Ну и как ты к этому относишься?

Шейн понял, о чем она спрашивала на самом деле: *как ты относишься к тому, что придется опять работать с Лайлой?*

Хуже всего было то, что, когда ему впервые сказали, что Лайла возвращается, он на долю секунды действительно обрадовался этому.

К счастью, чувство оказалось мимолетным, и Шейн по-

старался сделать все возможное, чтобы оно больше не возникало.

К сожалению, карьерные перспективы Шейна оказались гораздо скромнее, чем он рассчитывал. Пост продюсера шоу, о котором Рената договорилась для него перед шестым сезоном, не принес ему ничего, кроме повышения зарплаты. Более того, даже несмотря на успех «Неосвязаемого», Шейн понимал, что с учетом всех изменений в телеиндустрии у него на самом деле не так много времени. Он не винил руководство телеканала за то, что они прибегли к такому дешевому трюку, ведь это было сделано с единственной целью — еще на год сохранить рабочие места для съемочной группы и дать людям шанс уйти на собственных условиях.

Шейн пожал плечами, не отрывая глаз от меню.

– Надеюсь, жизнь после смерти существует.

Рената посмотрела на него с недоумением, но решила не развивать тему.

Она развернула салфетку и положила ее себе на колени.

– Вот! Именно для этого мы и встретились здесь. Сейчас ты находишься в весьма щекотливом положении, и нам необходимо убедиться, что твой следующий шаг станет правильным.

– А не рановато ли? Я освобожусь только следующим летом.

– Пока что у меня нет никаких серьезных предложений. Но сейчас самое подходящее время подумать, что для тебя

важно, каким ты хочешь увидеть следующий этап своей карьеры. Для тебя наступает поворотный момент. Сериал все еще на слуху, и это очень хорошо, но это всегда палка о двух концах, ведь зрители видят в тебе только Харрисона. Многие актеры попадали в подобную ловушку, исполнив какую-нибудь культовую телевизионную роль, — когда не хочется всю жизнь играть одно и то же, но и заходить слишком далеко в экспериментах опасно.

Шейн задумчиво кивнул. Мурашки беспокойства побежали по его спине. По сути, Харрисон был улучшенной версией его самого — это особенно ощущалось после восьми сезонов: сценаристы адаптировали роль под него, и он никогда не пытался играть кого-то другого. Любая попытка двинуться в другом направлении может закончиться стремительным падением с высоты. И нет никакого способа предугадать последствия такого шага, не рискуя подвергнуться публичному унижению, точно так же, как Лайла, которая изо всех сил старалась справиться с подобной ситуацией на протяжении нескольких лет. Неудачное стечение обстоятельств так основательно подпортило ей карьеру, что пришлось вернуться в сериал для полной перезагрузки. А у него даже нет возможности подстраховаться.

– Думаю, сейчас самое важное для меня — это стабильность. Если бы я мог получить еще один долгосрочный проект, похожий на этот, то подошел бы к выбору более осознанно.

Подошел официант, чтобы налить Ренате сладкого чая и принять их заказы. Она сделала большой глоток и, вздохнув, поставила стакан на стол.

– А как насчет супергероев? Пока без конкретного предложения, но я гарантирую, что устрою для тебя прослушивание. Почему бы тебе, например, не попробоваться на роль злодея? Может получится забавно.

Шейн откинулся на спинку кресла, размышляя над ее словами.

– А мне придется качаться?

– Возможно.

– Тогда я пас.

Шейн находился в очень приличной физической форме, но всякий раз, когда для съемок проходной сцены без рубашки в «Неосвязаемом» ему нужно было сбросить вес, он впадал в депрессию — наверное, он не создан для того, чтобы жертвовать месяцами (а то и годами) жизни ради изнурительных тренировок и строго регламентированного питания. Кроме того, он терпеть не мог съемки на фоне зеленого экрана. Он вообще не представлял себе, как можно играть в фильме, не получая никакой ответной реакции.

Рената поджала губы.

– Тебе решать. Хотя я бы не стала полностью исключать такой вариант. Ты ищешь стабильности, а это и есть тот самый паровоз, за который можно зацепиться.

– А какие еще есть варианты?

Вздохнув, она взяла булочку из хлебницы.

– Ладно. Пойдем в другую сторону. Мне по секрету шепнули, что Перри Макалистер трудится над биографическим фильмом о Скотте Фицджеральде, но проект пока на этапе разработки сценария. Я думаю, ты идеально подошел бы для этой роли, если тебе интересно. Конечно, немного рискованный шаг, но если ты хорошо справишься с этим, у тебя на горизонте появится масса других проектов. Ты мог бы показать свой настоящий потенциал, возможно, даже номинироваться на какую-нибудь премию. У Перри внушительный послужной список.

Шейна словно что-то кольнуло, и он вздрогнул. *«А есть ли у меня вообще хоть какой-то потенциал?»*

– Понятно. Что еще?

– «Анна Каренина». На подходе новый мини-сериал, а у тебя уже и борода наготове.

– Я не уверен, что смогу изобразить русский акцент.

Рената пренебрежительно махнула рукой.

– Им нужен британский. Ты что, ни одной костюмированной драмы не видел?

Шейн поморщился. Вся его работа с нюансами произношения сводилась к тому, чтобы смягчить либо, наоборот, усилить его собственный акцент.

– Ну, не знаю...

Рената расхохоталась.

– Короче говоря, тебя не интересует ни коммерческое те-

левидение, ни твой собственный имидж. Еще немного, и ты потеряешь свое почетное место в верхней части списка моих самых покладистых клиентов.

Шейн осушил стакан с водой.

— А как насчет других шоу? Не обязательно мини-сериалы. Может, есть что-нибудь еще?

Их прервал официант, который принес первые блюда: тако с креветками для него и пиццу «Маргарита» для нее.

Рената аккуратно отделила кусочек пиццы.

— Пока говорить рано, но я буду отслеживать возможные варианты по мере приближения сезона «пилотов». — Некоторое время она жевала с задумчивым видом. — На самом деле... пожалуй, есть кое-что еще. Но я заранее знаю, что тебе не понравится.

Шейн выдавил дольку лайма на свои тако.

— Что именно?

Рената отложила недоеденный кусок пиццы.

— Телекомпания *UBS* обратилась ко мне по поводу нового игрового шоу в прайм-тайм на следующий сезон. Они хотят видеть тебя в роли ведущего. Шоу о сбережении семейных ценностей и все такое.

Шейн оживился. Уж с работой ведущего он точно справится. Если что, ему поможет природная харизма — по крайней мере, большинство людей, которых звали не Лайла Хантер, находили его обаятельным. И даже она сама. Когда-то.

— Почему ты решила, что мне не понравится? Что за шоу?

Рената снова вздохнула.

— Шоу называется «Я это не проглочу». Участникам нужно попытаться поймать друг друга на лжи, и когда у кого-нибудь это получится, тот, кого поймали, должен будет съесть что-нибудь мерзкое. Кажется, в Великобритании шоу стало суперхитом.

— А участники шоу должны жевать эти гадости или просто глотать?

Рената закатила глаза.

— Я не знаю. Полагаю, жевать или нет — это личный выбор каждого.

— И сколько они предлагают?

— До хрена. — Она приподняла брови. — Тебе правда интересно?

Он откинулся на спинку кресла и провел рукой по бороде.

— Ну, я думаю... вероятно, это может стать долгосрочной работой, так ведь?

— Не исключено. Такие шоу либо убирают из эфира после первого эпизода, либо они потом идут лет пятнадцать. Но учти: если ты поучаствуешь в чем-то подобном, публике будет очень трудно снова воспринимать тебя как серьезного актера.

Шейн молчал, едва сдерживаясь, чтобы не задать вопрос: «А сейчас я серьезный актер?» Он никогда не признавался Ренате в том, насколько не уверен в себе, хоть и чувствовал, что она все-таки это замечает. Он не знал, чего бояться боль-

ше: что она солжет ему или что скажет правду.

Рената бросила на него пронизательный взгляд, и уголок ее рта приподнялся в ироничной усмешке.

— Что ж, если ты готов ко всему, то на днях я получу сценарий, который может тебе понравиться. Представь: ты отец-одиночка, погряз в жизненных неурядицах, нанимаешь новую няню, затем случается веселая неразбериха, и — оп! — вместо ребенка у тебя оказывается обезьянка!

Шейн от души расхохотался. Рената продолжала сохранять невозмутимое выражение лица, хотя он был уверен, что она изо всех сил старалась не рассмеяться.

— Обезьяна будет нарисована на компьютере, если для тебя это важно.

— Рената!

Она улыбнулась и промокнула губы салфеткой.

— Приятно видеть, что у тебя еще не пропало чувство юмора. — Она положила салфетку и сделалась серьезной. — Я не хочу совать нос не в свои дела. Но у тебя... все в порядке? С точки зрения финансов?

Шейн пожал плечами.

— Да, все нормально. Просто я бы хотел продолжать хорошо зарабатывать, только и всего.

Его образ жизни нельзя было назвать роскошным, но недавно он купил родителям новый дом и пообещал сестре, что поможет обучить в колледже всех троих ее детей. Плюс ко всему со второго сезона дублером Шейна работал его брат

Дин. Так что если Шейн окажется без работы, это сразу затронет многих людей.

— Я всего лишь уточняю. У тебя есть финансовый директор? Если что, могу кого-нибудь порекомендовать.

— Предпочитаю хранить золотые слитки под матрасом. Своя рубашка — ближе к телу.

— Звучит жестковато. Соболезную твоим ночным гостям.

— Ты же знаешь, я берегу себя для будущей супруги, — с невинным видом ответил он.

Рената фыркнула.

— Повезло тебе, что ты такой смазливый. Можешь позволить себе побыть занудой. — Она аккуратно сложила корки от пиццы на край тарелки. — Кстати, ты мне кое о чем напомнил. Уверена, ты не хочешь говорить об этом, но как насчет вас с Лайлой? Есть что-нибудь такое, о чем я должна знать?

Шейн едва не поперхнулся своим тако.

— В смысле? — выдавил он из себя, судорожно глотая воду. — Я ее почти не видел. Съёмки еще даже не начинались.

— Говорят, вы были довольно холодны друг с другом на презентации за кулисами. Понимаю, ты не в восторге от того, что тебе снова придется с ней работать. Может, ты хочешь, чтобы я вмешалась?

Он покачал головой.

— Нет, не надо. Насчет Лайлы... как-нибудь разберусь сам.

Он ни капли не верил, что с этим можно как-то разобраться-

ся, но у них не было другого выхода. Оба взрослые люди, оба профессионалы. И самое главное, их работа заключалась именно в том, чтобы убедительно скрывать свои истинные чувства. И все равно Шейн оказался не готов к мощнейшей волне гнева, захлестнувшей его в тот момент, когда на пороге комнаты ожидания он увидел Лайлу — и их взгляды на мгновение встретились.

Нахмурившись, Рената всматривалась в его лицо.

— Договорились. Дай знать, если понадобится моя помощь. Но я надеюсь, ты все-таки справишься сам. Когда-то вы были очаровательной парой.

— Ты хочешь сказать, Кейт и Харрисон были очаровательной парой?

— Разумеется, — спокойно ответила Рената.

Шейн кисло улыбнулся.

— Что ж, думаю, поэтому ее и вернули.

— Ты абсолютно прав. Наконец-то зрители получают то, чего хотели.

Рената ткнула в его сторону пальцем с перламутровым ноготком.

— Теперь надо сделать следующий шаг — выяснить, чего же на самом деле хочешь *ты*.

Он почувствовал, как с его лица сползла улыбка. Это была болезненная тема. Но прямо сейчас он думал только об одном: смогут ли они оба — и он, и Лайла — выйти из этого финального сезона без травм. И по мере того, как истекали по-

следние часы последнего дня его свободы, внутри у Шейна рос комок страха, и жизнь после «Неосязаемого» казалась такой далекой, как никогда прежде.

Офисные помещения сериала «Неосязаемый» располагались в Долине³, на той же площадке, где снимались интерьеры. Даже в часы пик Лайла тратила не больше получаса на дорогу до студии из своего дома в Бичвуд-Каньоне⁴ — именно поэтому она там и поселилась.

Разумеется, телеканал предложил ей водителя, но она всегда нервничала на пассажирском месте, и к тому же на заднем сиденье ее укачивало. Еще с первого сезона она предпочитала садиться за руль сама, и это стало неотъемлемой частью ее ежедневного расписания, своего рода медитативной перезагрузкой в начале и в конце рабочего дня. С тех пор, как Лайла покинула сериал, она десятки раз проезжала по этому участку 101 шоссе, ни о чем особо не задумываясь. Но теперь, по дороге на первую коллективную читку сценария, в ее памяти одно за другим всплывали воспоминания, с которыми она, как ей казалось до этого момента, распрощалась навсегда.

³ Долина Сан-Фернандо, называемая местными жителями просто «Долина», включает в себя ббольшую часть Лос-Анджелеса и знаменита многими культовыми киностудиями.

⁴ Бичвуд-Каньон, он же Каньон Бичвуд — жилой район, расположенный на Голливудских холмах, в северном пригороде Лос-Анджелеса. Севернее района Бичвуд-Каньон находится знаменитый Знак Голливуда — слово «HOLLYWOOD».

В тот самый первый день она неверно рассчитала время, которое потребуется на дорогу из ее съемной квартиры в Лос-Фелис⁵, и приехала так рано, что целый час просидела на парковке.

Потом начался их с Шейном роман. Невероятно, сколько усилий они прилагали, чтобы скрыть свои отношения от окружающих. Даже если один из них проводил ночь в постели другого, на съемки они всегда приезжали по отдельности и в разное время, купаясь в шипучем кайфе от сумасшедшего секса и наслаждаясь флером секретности.

Но после первого сезона, когда их отношения закончились крахом, Лайла ехала на съемки совсем в другом настроении. Каждое утро мозг закипал от переизбытка мыслей, а руки так крепко сжимали руль, что начинали белеть костяшки пальцев, и Лайла изо всех сил напускала на себя серьезный вид и вымещала раздражение на дверях своего седана. Со временем чувства притупились, и чаще всего по пути на работу она просто отрешенно глядела на шоссе. Она приезжала на съемочную площадку и возвращалась домой «на автомате», совершенно не помня дороги.

Сегодня же ей казалось, что дорога не кончится никогда. Лайла нервничала не из-за роли — как и следовало ожидать, ее героиня будет отсутствовать в эпизоде до самой последней страницы и воскреснет, будто призрак, без каких-либо

⁵ Лос-Фелис — жилой район в северном пригороде Лос-Анжелеса, соседствует с Бичвуд-Каньоном.

воспоминаний о прошлой жизни. Несомненно, продюсеры захотят растянуть финальную арку Кейт и Харрисона на как можно большее число серий. В конце концов, ради этого люди и смотрят их сериал.

Но в этом и заключался парадокс. Как бы сильно фанаты ни мечтали о том, что Кейт и Харрисон наконец соединятся, если это произойдет на самом деле, поцелуй героев станет «поцелуем смерти» для шоу. Напряжение между ними было главным двигателем сериала. Как только дело будет завершено, их отношения станут скучными, а сценаристам придется вводить новые и новые циклы расставаний, примирений и надуманных драм.

Перспектива развития отношений Кейт и Харрисона — или фантазии о том, какими эти отношения могли бы быть, — вот что привлекало зрителей. А не банальная история, в которой после медового месяца кто-нибудь из героев разбивает сердце другому, и они уже не могут находиться в одной комнате без того, чтобы не ругаться, не унижать или просто-напросто не игнорировать друг друга.

Вполне предсказуемо, что без этого двигателя слаженный механизм «Неосвязаемого» начал давать сбои. Наконец после серии проб и ошибок был сформирован другой актерский состав с Шейном во главе, куда вошли некоторые второстепенные персонажи из предыдущих сезонов и еще несколько новых героев.

Это означало, что Лайлу ожидает нечто похожее на пер-

вый день в новой школе, только еще хуже. У нее не будет возможности начать все с чистого листа, ей не дадут ни единого шанса проявить себя по-другому. Все, что ей остается, — делать свою работу и не высовываться, надеясь, что за время ее отсутствия Шейн не настроил против нее слишком много коллег по цеху.

На переднем пассажирском сиденье лежала коробка веганских пончиков без глютена и сахара — ее коронное угощение, если требовалось расположить к себе малознакомых людей без риска получить от кого-нибудь отказ. Кондитерская «Митци» была лучшей в ее районе и, видимо, обладала каким-то тщательно охраняемым секретом: их пончики были по-настоящему вкусными, несмотря на полное отсутствие каких-либо намекающих на это ингредиентов.

Придержав коробку с пончиками бедром, Лайла перекинула через плечо сумочку и направилась ко входу. Она приложила свой электронный ключ, и, когда дверь зажужжала, щелкнула и без проблем открылась, Лайла с облегчением выдохнула. Она пошла по коридору к главному корпусу и жуткое чувство дежавю, смешанное со страхом, стало усиливаться с каждым шагом.

Она завершила за угол и вскрикнула от неожиданности, едва не столкнувшись с Уолтом Лондоном, исполнительным продюсером «Неосвязаемого». Уолт выглядел ошеломленным, впрочем, как и всегда. Ему едва перевалило за сорок, он был высок, бледен до желтизны, с длинными черны-

ми волосами и тремя глубокими морщинами на лбу, будто кто-то провел скрепкой по шпатлевке.

Уолт руководил «Неосязаемым» с третьего сезона — после того как создательница шоу Рут Эдвардс покинула проект из-за творческих разногласий с телеканалом. Когда он занял ее место, тональность сериала резко изменилась. «Неосязаемый» начинался как причудливое и то же время философское исследование горя, в котором персонажи-призраки исполняли роли в равной степени и метафоричные, и паранормальные. Главным нововведением Уолта стало привлечение всех мифических существ, каких только можно было найти, и разоблачение в рамках сериала более масштабных сверхъестественных заговоров (правительственных и иных).

Лайлу это не особо радовало, но она признавала, что политика Уолта дала свои результаты. Шоу стало настоящим хитом в первом сезоне, но к концу второго рейтинги резко просели. Однако после того, как за дело взялся Уолт, сериал вернул себе место лучшего шоу в своем эфирном окне. И так длилось до того момента, пока не ушла она.

Увидев, что это Лайла, Уолт улыбнулся, но улыбка почему-то только подчеркнула выражение тревоги на его лице.
– Лайла, привет! Рад тебя видеть.

Невозможно было понять, таил ли он до сих пор обиду из-за ее ухода, поскольку обида, казалось, не покидала его лицо никогда. Несколько месяцев назад Лайла уже встречалась с

ним и с руководством телеканала для обсуждения условий своего возвращения, и тогда он выглядел точно таким же расстроенным, как и сейчас.

Она кивнула.

– Я тоже рада тебя видеть. Все остальные уже подошли?

Уолт покачал головой.

– До сих пор тянутся. Ну ты знаешь, как это бывает.

Это была одна из его фирменных фразочек, почти всегда произносимая с усталым вздохом. Всякий раз, когда он озвучивал этот свой афоризм, ей оставалось лишь понимающе кивнуть, даже если на самом деле она ничего не знала.

Лайла так и сделала.

– Хорошо. Тогда я просто положу это куда-нибудь.

Взгляд Уолта остановился на коробке в ее руках.

– О! Как мило. Вроде, Шейн тоже что-то такое принес.

Улыбка Лайлы потухла. Ну конечно, кто бы сомневался. Особенно бесило, что Шейн от природы был чертовски обязательным, и ему *не требовалось* никого подкупать выпечкой.

– Отлично, — сказала она, натянув на лицо улыбку с такой силой, что чуть не защемила мышцу. — Увидимся на месте.

Она двинулась дальше, но Уолт придержал ее за руку.

– Лайла, послушай. — Лицо его помрачнело. — Я хочу, чтобы ты знала: я рад, что ты вернулась. Неважно, что... что там думают другие. Ты — неотъемлемая часть шоу. Ты и Шейн... вы наши опоры. Наши путеводные звезды. Помни об этом.

У нее внезапно пересохло во рту.

— Мне кажется, путеводная звезда может быть только одна.

Он наклонил голову и пожал плечами.

— Что ж. Ты же знаешь, как это бывает...

Отпустив ее руку, Уолт зашагал дальше по коридору. Лайла глубоко вздохнула, чувствуя, как запульсировала в ушах кровь, и толкнула дверь на этаж сценаристов.

Офисы «Неосязаемого» были тусклыми и неудобными: лампы дневного света, ворсистый серый ковер, стойкий запах несвежего кофе. Лишь рекламные плакаты прошлых сезонов, развешанные по стенам, да полка, на которой красовались несколько статуэток «Эмми» и «Золотых глобусов», отличали помещение от любой заурядной бухгалтерской или страховой конторы. Насколько могла судить Лайла, с тех пор, как она заходила сюда в последний раз, ничего не поменялось.

В центре комнаты были размещены четыре длинных стола, сдвинутых в квадрат, а вокруг них — пластиковые кресла. На столах стояли таблички с напечатанными именами — по одной перед каждым креслом. Даже еще не успев разглядеть свою табличку, Лайла точно знала, где для нее приготовили место: прямо возле Шейна.

А Шейн уже был там — изучал сценарий. Ее немного удивило, что он сидел отдельно от остальных. В комнате находилось по меньшей мере человек десять-двенадцать — акте-

ры, сценаристы, продюсеры, различные координаторы и ассистенты, которые кучковались, в основном, с той стороны стола, где располагался поднос с кофе.

Когда Лайла приблизилась к группе коллег, ее взгляд невольно остановился на Шейне, а из головы никак не шли слова Уолта. Действительно, на них с Шейном лежит ответственность за все шоу. Смогут ли они хотя бы на несколько месяцев забыть о своем прошлом, о разногласиях, о давно тлеющих обидах? В конце концов, когда-то же они ладили — пусть даже теперь это кажется горячечным бредом. И не будет ли это как-то по-детски — после стольких лет по-прежнему ненавидеть его так пылко, будто он нанес обиду вчера?

Возможно, напряженность между ними на презентации — не более чем случайный рецидив, признак того, что остатки яда выходят из их организмов. Может, они оба изменились. Повзрослели. В любом случае, теперь, когда ей уже за тридцать, видеть в своем бывшем заклятого врага немного глупо.

Однако, как только она приблизилась к кофейной зоне, все мысли о примирении мгновенно испарились. На столе, возле кружек, лежала открытая розовая картонная коробка с бледно-зелеными цветочками по бокам. Точно такая же, как та, что была у нее в руках.

«Вот скотина!»

Она бросила коробку на стол, даже не потрудившись ее открыть, затем резко развернулась и направилась напрямиком

к Шейну, который, казалось, по-прежнему не замечал, что она вообще находится в комнате.

«Ничего не говори. Ничего не говори. Сохраняй достоинство. Ты выше этого — просто плюнь и разотри».

— Какая же ты сволочь, — прошипела она, усаживаясь в свое кресло.

Достоинство полетело коту под хвост.

— Я тоже рад тебя видеть, Лайла, — холодно ответил он, не отрывая глаз от сценария.

— Это я рассказала тебе о пончиках «Митци». Ты знал, что я их принесу сегодня. Это мелочно даже для такого ничтожества, как ты.

— И эгоистично даже для *тебя*. Мне хотелось сделать что-нибудь приятное для всех в первый день. Кто сказал, что ты вообще имеешь к этому отношение?

— Кондитерская даже не в твоём районе! Тебе пришлось сделать здоровенный крюк, чтобы до нее доехать.

— Ага. Это точно. — Он наконец-то взглянул на нее, и знакомая кривая усмешка лениво расплзлась по его лицу.

Ей удалось сохранить спокойный тон, хотя внутри все кипело.

— Надеюсь, оно того стоило.

Он пожал плечами и вернулся к чтению сценария.

— Не понимаю, что тебя так расстроило. Я вижу только две одинаковые коробки с пончиками. Разве что на твоих глазурью написано «Дар от Лайлы Хантер», чтобы все знали,

кого благодарить.

Добивая ее окончательно, он откусил лежавший перед ним недоеденный ванильно-лавандовый пончик и издал громкий, почти предоргазменный стон. Несколько человек тут же повернулись в их сторону.

Просто поразительно, насколько легко он заставил ее перейти от злости к смятению, униженности и стыду — причем из-за такой мелочи, как пончики. И что самое обидное, он был прав. Он всего лишь принес еще одну коробку. Но с другой стороны, она ни секунды не сомневалась: он сделал это нарочно — чтобы сначала ее разозлить, а потом выставить дурой, поскольку знал, что ей будет не все равно. Конечно же, это сработало. Как срабатывало всегда.

Никто больше не умел так легко выводить ее из себя, как это делал Шейн. Но она бы предпочла, чтобы он не пользовался этим при любой возможности.

Лайла с глухим скрежетом отодвинула свое кресло и, не сказав больше ни слова, направилась в туалетную комнату.

Она пошла туда не для того, чтобы спрятаться. Это было бы ниже ее достоинства. Ей уже тридцать один год, и, какие бы ощущения она ни испытывала сейчас, она давно не школьница. Просто ей нужно было немного побыть одной. И если это «немного» продлится все тринадцать минут до начала читки, что ж тут поделаешь — бывают в жизни совпадения.

Она закрылась в самой дальней от входа кабинке, плюх-

нулась на унитаз, опустив крышку, и тупо уставилась в телефон. Она уже дописывала ответ на сообщение от сестры, спрашивавшей, как идут дела (ответ в основном свелся к поиску «гифки», на которой Доринда Медли⁶ из «Настоящих домохозяек»⁷ кричит «Плоховато, сука!»⁸), когда услышала, как открылась дверь туалетной комнаты, и до нее донесся обрывок разговора:

– ...что показали на презентации. Будто это персональное шоу Кейт и Харрисона.

Лайла замерла, когда захлопнулась дверь кабинки прямо возле выхода.

– Ну а чего ты ожидала? Теперь, когда она вернулась, мы все равно что статисты.

Второй голос прозвучал ближе к Лайле, явно от раковины.

– Ага. Вот же говно! А я только подумала, что в этом году у меня, наконец, появится нормальная сюжетная линия.

– Хочешь махнуть? Я-то вообще буду той сукой, которая их разлучит.

Первая женщина рассмеялась, спустила воду в унитазе и вышла из кабинки.

⁶ Американская телеведущая и дизайнер. Наиболее известна по главной роли в реалити-шоу «Настоящие домохозяйки Нью-Йорка».

⁷ Американская медиафраншиза, включающая в себя несколько реалити-шоу о жизни богатых домохозяек из разных регионов США.

⁸ Выкрик Доринды Медли «Плоховато, сука!» (англ. «Not well, bitch!») в ответ на вопрос «Как дела?» стал довольно популярным и часто цитируемым в США мемом.

– Нет уж, спасибо. Советую тебе заранее грохнуть свой «Инстаграм»⁹, пока по твою душу не пришли Кейрисоны¹⁰.

Вторая женщина застонала.

– О господи! Может, стоит обратиться в службу защиты свидетелей? Типа, «катись оно все в жопу, теперь я новая личность»?

У Лайлы скрутило желудок, мысли заметались. Первым побуждением было занять оборонительную позицию. *Да пошли они на хрен!* Если эти женщины решили ненавидеть ее за то, что от нее не зависело (это же не она захотела нарушить баланс и снова сфокусировать шоу на них с Шейном!), она ничего не сможет с этим поделать. Впрочем, возможно, она настроена по отношению к ним предвзято. Ей следовало бы заслужить доверие в коллективе, тем более что ее партнерам не нравится не конкретно она, а сама идея ее возвращения в сериал.

Должна ли она выйти и поговорить с ними прямо сейчас? Растопить лед, выложить все, что думает, начистоту? Или лучше притвориться, что она никогда этого не слышала, попытавшись при первом удобном случае покорить их своей доброжелательностью?

Она так и сидела неподвижно, парализованная собствен-

⁹ Деятельность компании Meta запрещена на территории РФ.

¹⁰ Слово, составленное из имен Кейт и Харрисон. Так называют фанатов, которых больше всего интересуют любовные взаимоотношения между главными героями сериала.

ной нерешительностью, пока собеседницы, смеясь и болтая, выходили из туалетной комнаты.

Медленно досчитав до десяти, она последовала за ними.

Шейну всегда нравились рыженькие.

Не то чтобы он был на этом заиклен — по большей части он вообще не особо заморачивался на внешних данных и начинал скучать всякий раз, когда на посиделках с друзьями разговор неизбежно скатывался к обсуждению сисек и жоп. Это чем-то напоминало подход доктора Франкенштейна к созданию идеального человека и никогда не находило в нем отклика. Он встречался и спал с женщинами самых разных форм, размеров и происхождения (в том числе это касалось и цвета волос) и со временем понял, что обращает внимание на образ в целом, а не на какую-то отдельную деталь.

Но, несмотря на все это, только одна особенность внешности гарантированно заставляла его каждый раз поворачивать голову. Настоящая она была или поддельная, значения не имело. Он не мог сказать, родился ли с этим, или просто слишком много раз смотрел кино «Кто подставил кролика Роджера», будучи в самом впечатлительном возрасте. Чем бы это ни было, но интерес к рыжим пробудился рано, глубоко укоренился в нем и в какой-то момент полностью вышел из-под его контроля.

Вот почему, когда он впервые встретил Лайлу, это было похоже на некий космический замысел, который позже стал напоминать космический розыгрыш. Как будто креативная

команда «Неосвязаемого» каким-то чудом проникла в самую глубь его подсознания и подсунула ему готовый образ прямо из его похотливых подростковых фантазий.

И хуже всего то, что цвет волос стал, так сказать, вишенкой на торте. Для нее вообще не существовало плохих ракурсов — а в их профессии это отнюдь не является чем-то само собой разумеющимся. Уж ему ли не знать. Он потратил много часов, злобно разглядывая ее, изо всех сил стараясь найти хотя бы проблеск слабости, изнеможения или нарушения симметрии.

Но, к сожалению, независимо от ракурса, никуда не исчезали точеные скулы, четкая линия подбородка, выразительные глаза и от природы пухлые губы — процентов на тридцать пухлее среднестатистических. Его боттичеллевская эротическая мечта воплотилась в жизнь, став сводящим с ума подарком из ада.

И поскольку она была рыжеволосой от природы, ее кожу с головы до ног покрывала звездная россыпь золотисто-коричневых веснушек, разглядеть которые можно было лишь вблизи. Не раз и не два он пытался сосчитать их, пока она хихикала и извивалась под ним, но всегда сбивался где-то на двузначных цифрах. Впрочем, с таким же успехом их можно было считать хоть всю жизнь.

В этом извечная проблема фантазий. Они всегда поверхностны, инертны и однобоки. Их легко контролировать. Но они всегда рушатся, как только приходит осознание того, что

на самом деле объект вашего желания — это всего лишь трехмерное человеческое существо, ущербное и своенравное. Никакая фантазия не смогла бы выжить после того, через что им пришлось пройти: годы обид, предательство и борьба самолюбий, и все это на фоне напряженного рабочего графика, когда они были вынуждены проводить вместе каждую минуту на площадке.

Лайла не была его мечтой. Она была всего лишь человеком. Женщиной, которую он с какого-то момента, черт возьми, возненавидел — и ни для кого не было секретом, что это чувство полностью взаимно. Со временем они стали экспертами в том, что касалось игнорирования друг друга вне кадра. Ведь это единственный способ выжить, когда приходится работать в тесном контакте с враждебно настроенной бывшей возлюбленной.

Тем не менее, он так и не избавился от этого постоянного, непроизвольного ощущения ее присутствия — будто глубоко под его кожей все еще был спрятан некий настроенный на Лайлу радар, который не мог не выдавать предупреждений всякий раз, когда она оказывалась в непосредственной близости. Хуже того — по всей видимости, время, проведенное в разлуке, только усилило это чувство: даже не поднимая глаз, он сразу уловил момент, когда она вернулась в комнату для читки. Хотя, с другой стороны, он мог определить это по тому, как внезапно стихла вокруг болтовня, а громкие разговоры за те несколько мгновений, прежде чем она села на

свое место рядом с ним, перешли в едва слышное бормотание.

Уолт, сидевший напротив Шейна, встал со своего кресла и откашлялся, побуждая последних отстающих занять свои места.

— Доброе утро всем. Я так разволновался, когда увидел ваши великолепные лица и вашу готовность приступить к работе над девятым грандиозным финальным сезоном! — Морщины на лбу и плотно сжатые губы придавали Уолту какой угодно, но только не взволнованный вид. — И вначале я хотел бы поприветствовать Лайлу Хантер, которая снова с нами. Для тех из вас, кто пока не знаком с Лайлой, я замечу, что она невероятно талантливая и трудолюбивая, настоящий профессионал, и нам очень повезло, что она вернулась в семью «Неосвязаемого».

Шейн уткнул взгляд в сценарий, когда по комнате прокатились негромкие аплодисменты. Он не стал к ним присоединяться.

Уолт попросил всех кратко представиться, после чего началась читка. Шейн изо всех сил старался сосредоточиться на работе, ощущая совсем не свойственную ему зажатость.

Конечно, он сидел рядом с ней не на одном десятке подобных прогонов, но в этот раз все было как-то иначе. Раньше, даже если они не ладили, Лайла все равно была здесь как дома. Теперь же она явно чувствовала себя незваной гостьей, пребывая в молчаливом оценивающем напряжении. Он бук-

важно чувствовал, как внимательно она слушает каждую произнесенную им фразу, пытаясь понять, не растерял ли он свое актерское мастерство за три года ее отсутствия.

Но как только они добрались до ее единственной реплики — которая была заключительной репликой всего эпизода, — Шейн понял, что она не уделяла ему такого пристального внимания, как он думал. Казалось, она продолжает изучать сценарий, но по мере того, как затягивалось молчание и все взгляды в комнате обратились к ней, становилось все более очевидным, что она отключилась, полностью уйдя в собственные мысли. Когда она вновь подняла глаза, наткнувшись на его хмурый взгляд, ей потребовалась всего секунда, чтобы осознать свой промах.

— Ой! Хм... Простите. — Она пролистнула сценарий, прежде чем снова посмотреть на Шейна широко раскрытыми прозрачными глазами. — Г-где я? Кто ты?

Лайла преобразилась настолько быстро и органично, что он мог бы поверить: она ничуть не взволнована, — если бы только ее щеки и шея не сделались алыми. Она всегда легко краснела — это был ее единственный актерский недостаток. Когда-то он наслаждался своей способностью вгонять ее в краску: это было неоспоримое физическое доказательство того, что не такая уж она и невозмутимая, какой кажется на первый взгляд.

Когда Уолт взял слово, чтобы подвести итоги, Шейн снова бросил взгляд на Лайлу — и как раз вовремя: всего на долю

секунды на ее лице отразилась печаль, но она тут же взяла себя в руки, и краска отхлынула от ее щек. Он почувствовал укол чего-то неопределенного внизу живота. Захотелось обвинить в этом слишком быстро проглоченный пончик, но он-то знал, что дело не только в пончике.

Впервые за многие годы Шейн поймал себя на мысли, что задается вопросом, почему у него вообще возникло желание с ней ссориться? Чего он добивался, что от этого получил? Конечно, она дала ему более чем достаточно причин для нелюбви, но даже самая последняя ее выходка — прощальная, перед уходом, возможно, самая гадкая из всех, — теперь далеко в прошлом. Кроме того, не было ни малейших сомнений, что в той ситуации он одержал верх. Может, протянуть ей оливковую ветвь мира? Может, это не такая уж плохая идея — оставить прошлое в прошлом и двигаться дальше, как, в общем-то, и стоило поступить давным-давно?

Комната наполнилась шепотом и негромкой болтовней. Все встали, принялись потягиваться и собирать вещи. Шейн посмотрел на Лайлу, которая убрала сценарий в сумочку и поднялась одним резким движением. Он не менее поспешно вскочил на ноги.

Скажи ей что-нибудь приятное. Что-нибудь в поддержку.

– Хорошо поработали! — выпалил он, не сумев придумать ничего иного.

Еще не успев договорить, он понял, что это худшая фраза

за в такой ситуации. Она бросила на него уничижительный взгляд, которым можно было содрать краску с автомобиля.

— Ага, ты тоже был неплох, — ответила она. — На самом деле это очень удобно — когда всегда известно заранее, как ты произнесешь ту или иную фразу. Уверена, половина зрителей умрет от шока, если ты хоть раз переключишься и сделаешь что-нибудь иначе. Разноплановость — довольно переоцененное актерское качество, тебе не кажется?

Она выскользнула из комнаты прежде, чем он успел отреагировать.

Что ж, он попробовал — и ничего вышло. Можно продолжать ненавидеть ее с чистой совестью.

* * *

Когда Шейн вернулся домой, в гостиной сидел его младший брат Дин и смотрел телевизор. Дин работал его дублером в «Неосвязаемом» начиная со второго сезона, но каким-то образом до сих пор «перекантовывался» в «комнате для гостей» Шейна, будто только неделю назад прибыл в Лос-Анджелес.

— Как прошло? — спросил Дин, не отрывая взгляда от телевизора.

Как дублеру Шейна Дину не требовалось присутствовать на читках, да и вообще — он никогда не читал сценарии. Но в этом и не было особой нужды: его работа заключа-

лась в том, чтобы соответствовать комплекцией и цветом волос Шейну и стоять на отметках Шейна, пока настраивалось освещение и камеры. Работа с контекстом тут не подразумевалась. Иногда, если раздоры с Лайлой достигали апогея, Дин исполнял роль затылка Шейна. Это случалось нечасто, и гордиться тут было нечем.

– Нормально, — коротко ответил Шейн, садясь на диван и бросая пакет с мексиканской едой на кофейный столик. — Недавно вернулся?

– Примерно час назад. Я был у Колина.

Колин — второй дублер Шейна, еще один человек, чья работа заключалась в том, чтобы быть отдаленно похожим на Шейна. Когда все трое собирались вместе на съемочной площадке, это производило немного странное впечатление. А когда Шейн узнал, что Колин и Дин стали лучшими друзьями, он слегка встревожился, не перешло ли это черту или осталось в рамках обычного нарциссизма?

Шейн развернул первое тако.

– Да? Вы снова дружите?

Дин пожал плечами и, наклонившись, взял из пакета пару кукурузных чипсов.

– Некоторое время он зависал с кем-то другим, но, похоже, все кончено.

В заднем кармане Шейна зажужжал мобильник. Он сдвинулся в сторону и достал телефон.

– Не возражаешь, если я отвечу? Это Рената.

Дин покачал головой и приглушил звук телевизора. Шейн принял звонок, включил громкую связь и, положив телефон на стол, вытер руки салфеткой.

— Привет, Рената.

— Привет, кормилец. Где ты? Можешь говорить?

— Да, я дома с Дином.

— Привет, Рената, — нараспев протянул Дин. — Кстати, мое предложение до сих пор в силе.

— Какое? Взять тебя в мужья и увезти подальше? Прости, но я, наверное, упущу свой шанс, — сухо ответила Рената.

— Вот и зря. Из меня получился бы отличный домохозяин. Ты только скажи.

Рената засмеялась. Несколько лет назад Шейн спросил ее, хочет ли она, чтобы он запретил Дину флиртовать с ней, но она только отмахнулась. Рената не носила обручального кольца, однако в остальном ее личная жизнь была для него загадкой, впрочем, как и ее возраст — этой женщине могло быть как сорок, так и шестьдесят. Но если эти игривые разговорчики не напрягали ее, то, следовательно, не беспокоили они и Шейна, тем более что их обоих, судя по всему, это даже веселило.

Шейн попытался вернуть разговор в деловое русло.

— Так и что стряслось?

— Они хотят, чтобы вы с Лайлой снялись для обложки большого осеннего выпуска журнала *RRM*¹¹ о телепремьерах.

¹¹ Полное название журнала — Reel Media Magazine.

Фотосъемки начнутся через две недели.

— С ума сойти, — вяло ответил Шейн.

Дин фыркнул:

— А что, они не могут слепить его в «Фотошопе»?

— Это несколько другое. У меня вообще сложилось впечатление, что они хотят, чтобы съемка была, ну... слегка пикантной. Как ты смотришь на то, чтобы обнажить чуть-чуть тела?

Ужас закопошился внизу живота Шейна.

— Чуть-чуть тела?

— Ну или не чуть-чуть... Судя по всему, единственное, что их ограничивает, — это опасение, что журнал потом придется продавать в непрозрачном пакете. Для тебя это нормально? Хочешь, я устрою скандал? А я могу устроить скандал.

Шейн уставился на тако, ощущая на себе взгляд Дина.

— Нет. Нет, это не проблема.

— Ну и отлично. Тогда начинай делать планку прямо с сегодняшнего дня.

Дин застонал от смеха, убирая пакет с кукурузными чипсами подальше от Шейна.

— Он всегда становится сварливым, когда садится на диету.

— Может, и ты присоединишься, Дин? Они наложат твой пресс на его тело.

— Скажи еще, что ты только и думаешь о моем прессе! — усмехнулся Дин.

Шейн тоже выдавил из себя улыбку.

— Надеюсь, нам не придется заходить так далеко. Сейчас с помощью грима научились творить удивительные вещи. Пусть они просто нарисуют мне пресс.

Рената снова засмеялась.

— Отлично придумано! Я дам им знать, что ты готов.

Как только Шейн закончил разговор, Дин вновь увеличил громкость телевизора, и некоторое время они сидели в молчании, граничившем с неловкостью. Тема Лайлы была щекотливой еще с вечеринки по случаю окончания съемок пятого сезона. До презентации девятого сезона Шейн вообще ее не видел. А тот вечер показал ему раз и навсегда, что она за человек.

Очевидно, и Шейн, и Дин думали об одном и том же. Шейну хотелось что-нибудь сказать, но обсуждать все это вновь — спустя столько времени после тех событий — показалось ему утомительным и излишним. К тому же он никогда не любил спорить — особенно с Дином. И хотя Дин был далеко не мальчиком — тридцатник не за горами, — он все еще оставался младшеньким в семье, и независимо от того, насколько сильно злился на него Шейн, инстинкт защитника всегда побеждал.

Почти всегда.

Всякий раз, когда у Лайлы спрашивали, почему она решила стать актрисой, у нее наготове было несколько стандартных ответов.

Потому что астма в детстве помешала заниматься спортом.

Потому что в семь лет она посмотрела постановку «Энни»¹² в местном театре, и это произвело на нее неизгладимое впечатление.

Потому что ее бабушка тоже была актрисой — не первого эшелона и к тому же оставила карьеру в двадцать пять лет, но все-таки в числе последних актеров подписала контракт с киностудией *Paramount* перед распадом Студийной системы¹³.

Из этого перечня ничего нельзя было назвать абсолютной

¹² «Энни» (англ. *Annie*) — мюзикл 1977 г. Чарльза Страуза и Мартина Чарни-на на либретто Томаса Мизена. Основан на комиксе Харольда Грея «Маленькая сиротка Энни».

¹³ Студийная система — организационное устройство Голливуда в период его «золотого века», остававшееся неизменным с 1928 года (создание RKO Pictures) до момента продажи кинотеатров студии Paramount в конце 1949 года. Включала в себя нескольких ведущих студий, которые практически полностью контролировали киноиндустрию США. Каждая студия располагала крупными производственными мощностями и могла нанимать персонал на постоянной основе, а режиссеры, актеры и другие кинематографисты заключали со студиями долгосрочные контракты и находились в их полном распоряжении.

ложью, но реальный ответ был одновременно и проще, и куда сложнее: она пошла в актрисы из-за свойственной ей возможности.

Лайла не могла вспомнить точно, когда это началось и было ли когда-нибудь по-другому. Она родилась из хаоса, в результате союза двух совершенно несовместимых людей, которые развелись, когда ей исполнилось одиннадцать лет — и даже тогда ей казалось, что с разводом они опоздали лет на двенадцать. Она так и не поняла, что они вообще нашли друг в друге, кроме того, что оба были евреями, готовыми остепениться (или, что вероятней, готовыми осесть).

Мать Лайлы была импульсивным экстравертом с супер-яркой харизмой. Она могла уговорить кого угодно согласиться на что угодно или заставить от чего угодно отказаться. У нее был чудовищно скверный характер, и она постоянно расширяла свой список обид, не имеющих срока давности. Она была полной противоположностью ее отцу, за чьим стоическим, отстраненным видом скрывалась масса неврозов, от которых страдала вся семья. Позже, когда Лайла повзрослела, она поняла: отец имел весьма привлекательную внешность, но в ту эпоху он не смог получить психологическую помощь, в которой так нуждался, и его склонность проверять каждую розетку, каждую электровилку, каждый электровыключатель перед выходом из дома, а также привычку трижды объезжать квартал на машине, прежде чем зайти в дом, нельзя было списать на стандартные отцовские причуды.

Лайла очень любила своих родителей, но иногда ей казалось, что она унаследовала худшее от каждого из них. Ее не покидало чувство, что и природа, и воспитание вступили в сговор против нее: она не знала, винить ли в своем характере две несогласованные половинки, воюющие внутри, или же она просто впитала в себя семейный разлад, как впитывает неприятные запахи пачка соды, когда долго стоит в холодильнике. Конечно, ее младшей сестре тоже досталась своя доля проблем, но Лайла, как старшая — как первый блин, который комом, — приняла на себя их основную тяжесть.

Еще над ней немало издевались в школе, но она старалась пореже упоминать об этом в интервью. Она знала, что все только закатывают глаза, когда популярные гламурные актрисы начинают жаловаться, что в детстве их подвергали остракизму за болезненную худобу в сочетании с непропорционально огромной грудью или что-нибудь вроде того. И хотя это никогда не было для нее тяжким крестом, который суждено нести, физические особенности, мешавшие в детстве сливаться с толпой (к концу шестого класса она выросла до своего полного роста в сто восемьдесят сантиметров вдобавок к яркому цвету волос), стали ее изюминкой — она оценила это будучи уже взрослым человеком. Однако несчастный, неуклюжий ребенок все еще прятался в глубине ее души, как Призрак Оперы с уродливым лицом.

Ситуация стала критической, когда родители объявили о разводе и хаос в доме достиг апогея одновременно с усиле-

нием издевательств в школе, где многие одноклассники, с которыми она дружила еще с детского сада, отвернулись от нее практически в одночасье без объяснения причин. В то время она боялась и вставать утром в школу, и возвращаться домой.

В конце концов дело дошло до того, что она проплакала всю ночь перед тем, как выступить с презентацией в классе, и тогда мать, по совету школьного психолога, заставила ее записаться на внеклассные занятия по актерскому мастерству. Лайла думала, что это станет для нее кошмаром. Ее мысли бешено метались, а желудок скручивало в узел, пока они ехали туда. Но вопреки ожиданиям этот шаг радикально изменил ход ее жизни.

Была какая-то ирония в том, что, влезая в чужую шкуру, она смогла раскрепоститься. Следуя за путеводной нитью сценария, точно зная, что именно она должна делать и во что это разовьется, Лайла обрела возможность отпустить все, что на нее давило, и существовать исключительно в настоящем моменте. Это вывело ее за пределы дома, подальше от закулисной драмы ее семьи. А еще в кои-то веки она получила некоторый контроль над тем, как и почему на нее смотрят люди.

По мере того, как у нее появлялись новые друзья в театральном кружке и она получала одну главную роль за другой, росла и ее уверенность в себе. К моменту окончания средней школы ей уже было почти наплевать на то, что о ней думают

окружающие.

Тогда же психолог познакомил Лайлу с таким понятием, как «эффект прожектора» — это когда кажется, что люди уделяют вам гораздо больше внимания, чем есть на самом деле. Эффект прожектора заставляет думать, что друг не ответил на сообщение, потому что ненавидит вас, или что люди, которые расхохотались в момент вашего ухода, смеялись именно над вами. Но истина в том, что большинство людей сосредоточены лишь на себе и точно так же переживают насчет того, что о *них* думают все остальные.

Осознание этого факта подарило ей свободу.

Пока она не взяла и не просрала все сама, став знаменитой.

Как только рейтинги «Неосязаемого» взлетели, шансы на то, что люди шепчутся именно о ней, стали более чем весомыми, равно как и то, что эти взгляды украдкой в ее сторону ей совсем не чуждятся. Как не осталось сомнений и в том, что абсолютно незнакомые ей люди сочиняют сказки о ее личной жизни, тайком фотографируют ее дом и рассказывают всем, какая она заносчивая сука всякий раз после того, как она отказывается поддержать неприятный для нее разговор. Но после нескольких лет — а также курса интенсивной терапии — она приспособилась до такой степени, что стала воспринимать это почти как норму. Помогло и то, что она старалась держаться подальше от соцсетей — команда ее менеджеров сама вела ее официальные аккаунты. У нее даже не

было паролей от них.

Однако оставались еще кое-какие вещи, от которых ее до сих пор колбасило — например, участие в различных ток-шоу всегда проходило с потеющими ладонями, бешено колотящимся сердцем и полной потерей памяти о том, что она говорила. А если кто-нибудь заставлял ее врасплох просьбой сфотографироваться или дать автограф, то все навыки светской беседы тут же покидали ее, от чего она превращалась в неуклюжую, заикающуюся тетерю.

Впрочем, могло быть и хуже. Несмотря на то, что первые несколько сезонов «Неосязаемого» гремели повсюду, она, в конце концов, оставалась лишь телевизионной знаменитостью. Это означало, что чаще всего незнакомцы видели в ней сериальную Кейт. И она берегла этот тонкий защитный слой. Люди хотели заполучить от нее частичку «Кейт», поэтому «Лайла» по-прежнему принадлежала только самой себе.

* * *

Единственное, что поддерживало Лайлу в течение первой мучительной недели после возвращения на съемочную площадку, — это планы на выходные: она собиралась съездить в Калабасас в гости к своей подруге Пилар на обед.

До «Неосязаемого» единственным крупным достижением

Лайлы был фильм «Н.А.G.S.¹⁴» — подростковая комедийная драма, в которой она снялась между первым и вторым годами учебы в Джульярде. Кино повествовало о четырех подругах детства, которые отделились друг от друга в старшей школе, влившись в разные подростковые тусовки, но возродили свою дружбу, после того как накануне выпускного класса устроились вожатыми в один летний лагерь. Лайла сыграла Альтернативщицу — девушку с магнитным пирсингом в носу и фиолетовыми прядями в волосах.

Фильм был малобюджетным, но ухитрился стать неприязательным хитом молодежных вечеринок и набрать достаточный импульс, чтобы породить два продолжения (до абсурда зааббревиатуренные «Н.А.G.S. 2: L.Y.L.A.S.¹⁵» и «Н.А.G.S. 3: B.F.F.L.¹⁶»). Но, что более важно, кастинг-директор, выбрав их четверых, сотворил настоящее чудо: летние съемки продолжались всего месяц, и совершенно незнакомые девушки расстались подругами на всю жизнь.

Даже более десяти лет спустя их групповой чат (названный, как нетрудно догадаться, *The Hags*¹⁷) оставался таким же активным, как и в начале. Они по-прежнему регулярно

¹⁴ Н.А.G.S. — молодежная аббревиатура, расшифровывающаяся как «Have A Great Summer», то есть «Желаю отличного лета!».

¹⁵ L.Y.L.A.S. — аббревиатура, расшифровывающаяся как «Love You Like A Sister», то есть «Люблю тебя как сестру».

¹⁶ B.F.F.L. — аббревиатура, расшифровывающаяся как «Best Friends For Life», то есть «Лучшие подруги навсегда».

¹⁷ «Ведьмы» (англ.).

виделись по двое, а порой и по трое, но собираться всем четверым одновременно удавалось нечасто.

За прошедшие годы их жизненные пути неизбежно разошлись в разные стороны. Ивонна (Умница), универсально подготовленная выпускница диснеевской фабрики юных звезд, с диким успехом переключилась на музыкальную карьеру, а брак с суперзвездой хип-хопа закрепил ее статус селебрити первого эшелона. Пилар (Красотка) продолжала время от времени играть в кино или продавать свой образ рекламщикам, но в основном превратилась в авторитетную маму-блогершу и заваливала своих подписчиков вдохновляющим контентом о себе, о своих великолепных отношениях и не менее великолепных детях. А Энни (Спортсменка) навсегда ушла из киноиндустрии вскоре после съемок третьего фильма и в настоящее время заканчивала юридическую школу, планируя стать государственным адвокатом.

Когда Лайла зашла в просторную кухню Пилар, оформленную в минималистском фермерском стиле, Ивонна была уже там. Она стояла, прислонившись к мраморному кухонному острову и наблюдала, как Пилар заканчивает собирать непомерно большую многоярусную тарелку с фруктами. Шестилетних близнецов Луза и Паса нигде не было видно — судя по всему, ушли куда-то с няней. Обе подруги вскрикнули от радости, увидев Лайлу, которая бросила сумку на пол и заключила Ивонну в объятия.

Всякий раз, когда Лайла встречалась с подругами, ее обу-

ревали противоречивые чувства: они выглядели вроде бы точно такими же, какими она всегда их знала, и в то же время — совершенно другими. Умом Лайла понимала, что между непослушными девочками-подростками, какими они были десять лет назад, и уравновешенными тридцатилетними женщинами, которыми стали теперь, дистанция огромного размера.

Сегодня Ивонна надела струящееся платье цвета, который смотрелся бы ужасно на любой другой женщине, но ее коже яркий горчично-желтый оттенок придавал интересное сияние. На голове Ивонны был повязан цветастый шелковый шарф, а между тонкими золотыми кольцами на пальцах висели новые изящные татуировки, которыми Лайла не могла не залюбоваться.

Затем Лайла обошла кухонный остров, чтобы обнять Пилар, облаченную в костюм из легкого белого льна. Темные корни ее волос прекрасно контрастировали с безукоризненно собранным хвостом медово-русого цвета.

– Хочешь чего-нибудь выпить? Минералку? «Мимозу»? Комбучу? — спросила Пилар, направившись к холодильнику.

Лайла покачала головой.

– У меня завтра съемка «обнаженки». Думаю, стоит воздержаться от газиков. Не дай бог меня раздует.

Последнее предложение она произнесла, страдальчески закатив глаза.

– О, понятно. Печально. Хочешь смузи?

– Не хочу. Но все равно выпью.

Пилар рассмеялась и заглянула в холодильник.

В этот момент появилась Энни — она выглядела в тысячу раз более спокойной и отдохнувшей, чем в их прошлую встречу. Темные круги под глазами пропали, бледность, свойственная библиотечным затворникам, исчезла с лица. На удивление, она даже надела цветную одежду — нежно-голубой сарафан, — а светло-каштановые волосы, обычно тщательно убранные, свободно ниспадали выюющимися прядями.

Пилар предложила сварить для Энни кофе, но она отказалась и принялась метаться по кухне — готовила кофе сама и шутливо жаловалась на то, что Пилар все переставила с тех пор, как они собирались здесь в последний раз.

Ивонна перегнулась через стойку и взяла кубик манго из фруктовой нарезки, а затем повернулась к Лайле.

– У тебя завтра съемки обнаженной натуры? Для чего? Для сериала?

– Да, для журнала *RMM*. На обложку номера об осенних премьерах.

– Ты будешь там одна? — спросила Энни.

Лайла вздохнула.

– Вместе с Шейном.

Ивонна поморщилась.

– А ты пыталась отказаться?

Лайла покачала головой.

— Все и так считают, что у меня тяжелый характер. Впрочем, из этого получится неплохая демонстрация себя, такая самореклама.

— И насколько же открытая будет демонстрация? — рассмеелась Пилар.

— Если судить по присланным материалам, думаю, это будет одна из тех съемок, где начинают одетыми, а заканчивают голыми.

Лайла не испытывала никакого трепета по поводу наготы. Ее тело было ее рабочим инструментом, и она не стеснялась обнажаться, если того требовали обстоятельства. Ее беспокоила не сама по себе необходимость раздеться, а то, что раздеваться придется вместе с Шейном.

Энни подула на кофе.

— Звучит горячо. Ты уверена, что тебя не снимут в порно? — спросила она с абсолютно невозмутимым видом.

— Фотографировать будет Дарио Росси. Так что, если он не сменил жанр...

Глаза Ивонны расширились.

— О-о-о, Дарио! Обожаю его! Он делает обложку для моего следующего альбома. Уверена, он сработает на отлично! Держу пари, снимки получатся *вау*.

Лайла ощутила, как вспыхнули ее щеки, но быстро совладала с собой.

— Да, возможно. Так, стоп! Новый альбом?!

И пока Пилар доводила до совершенства свою этажерку с фруктами и забиралась на табурет, чтобы сделать идеальный снимок сверху, Ивонна ввела Лайлу в курс своих дел. Лайла физически почувствовала, как подзаряжается ее внутренняя батарейка, когда они вошли в ритм привычной болтовни, то обсуждая что-то вчетвером, то вступая в различные параллельные беседы и выходя из них без каких-либо трудностей.

Иногда Лайлу удивлял даже тот факт, что они вообще до сих пор дружат, не говоря уже о том, что доверительные отношения между ними только крепли. Большинство прочих ее друзей из киноиндустрии казались ей легкомысленными или излишне деловыми. Это были, в основном, люди, которых она целовала в щечку на вечеринках, но которых никогда не видела днем, и чьи светские беседы выглядели как заранее спланированные инвестиции в нее, которые они в конечном счете пытались обналичить в виде какого-либо одолжения.

Но вот эти четыре подруги, очевидно, сошлись в нужное время и в нужном месте. Они натирали друг друга лосьоном на основе каламина, если кого-то искушали насекомые, протягивали руку помощи в сложных обстоятельствах, вырубались на плечах друг у дружки после долгих съемочных дней под изнуряющим солнцем. Каждый раз, когда они собирались вместе, Лайлу переполняли тревожные мысли: а если теперь они настолько отдалились друг от друга, что им будет просто не о чем поговорить? Однако через несколько ми-

нут она уже задыхалась от смеха над какой-нибудь понятной только им четверым шуткой, о которой уже даже не помнила. Они общались на тайном языке старых друзей, на языке той безусловной любви и взаимопонимания, которые могут прийти лишь после многолетней общей истории.

От этих мыслей ситуация с Шейном казалась еще горше. Ей приходилось биться как рыбе об лед, чтобы найти время для встречи с теми, кого она любила, а тому, кого она ненавидела, было позволено монополизировать немалую часть ее жизни. Она сделала все возможное, чтобы их пути разошлись, но сама судьба — в виде прихоти зрителей и решения руководства *UBS* — снова свела их вместе.

— Ну и как это — возвращаться в шоу? — спросила Пилар, когда они уселись за стол, оставив распахнутыми французские двери, чтобы внутрь задувал ветерок со стороны бассейна.

Сегодня в приготовлении угощений для подруг Пилар превзошла саму себя: стол украшала домашняя выпечка, аппетитный пирог с заварным кремом и свежесрезанные цветы. Подруги, за исключением Лайлы, которая пила только зеленый сок, наполнили свои тарелки едой. Впрочем, Лайла все-таки признала, что сок был очень вкусным.

Она застонала, драматично уронив голову на стол. Подруги рассмеялись.

— Это из-за Шейна? Или из-за всего сразу? — спросила Ивонна.

Лайла подняла голову и откинулась на спинку стула.

— Из-за всего. Новые актеры тоже ненавидят меня всеми фибрами души. — Она повернулась к Ивонне. — Как тебе удастся продолжать работать с Адамом? У тебя не бывает ощущения, что это странно?

Бывший парень Ивонны по-прежнему продюсировал все ее альбомы.

Ивонна пожала плечами.

— Бывало. Теперь уже нет. Но у нас и страстей таких никогда не было, как у вас с Шейном.

— А ты пыталась с ним поговорить? С Шейном, в смысле. Как-то прояснить ситуацию? Мне кажется неразумным позволять всей этой старой фигне действовать тебе на нервы, — заметила Энни.

Почувствовав укол совести, Лайла покачала головой.

— В основном, мы игнорируем друг друга с тех пор, как начались съемки. Потому что когда дело доходит до разговоров, получается... нехорошо.

Пилар подняла брови.

— Как думаешь... это, типа, сексуальное напряжение, или...

— Нет! — решительно ответила Лайла прежде, чем Пилар успела добавить хоть слово. — Определенно нет.

— Ладно-ладно, успокойся. Но все-таки это никак нельзя исключать, — усмехнулась Ивонна. — С каких это пор он перестал казаться тебе привлекательным?

– Конечно, он привлекательный. Просто сама его личность вызывает у меня такое отвращение, что это начисто перечеркивает всю его красоту.

Энни взяла телефон и принялась что-то в нем искать.

– То есть, ты хочешь сказать, это не ты писала в блоге на *BuzzFeed*¹⁸: «Восемнадцать раз улыбка Шейна Маккарти буквально остановила мое сердце и чуть не стала причиной преждевременной кончины»?

Лайла протянула руку, чтобы попытаться игриво выхватить у Энни телефон.

– Замолчи. Там *не так* написано.

Энни хихикнула, подняв телефон повыше, чтобы до него нельзя было дотянуться.

– Вообще-то на самой первой странице.

– Может, просто взять и покончить с этим раз и навсегда? Между прочим, секс из ненависти — отличный вариант. Вы, кстати, пробовали такое? — спросила Пилар сразу у всех.

Лайла через трубочку посасывала сок и тянула время, внутренне возблагодарив Ивонну, когда та первая взяла слово.

– Девочки, я никогда не понимала, что хорошего в этом находят люди. Секс из ненависти кажется мне токсичным. Лучший секс у меня был с мужчинами, в которых я была влюблена, — с теми, с кем я чувствовала сильную связь. А не с теми, кого ненавидела.

¹⁸ Американская интернет-медиа-компания.

— Горжусь тобой за то, что провода с надписями «жарко» и «неправильно» не сплавились в твоём мозгу воедино. Вот бы всем нам так повезло! — поддразнила её Пилар, подняв в шутливом тосте свою кроваво-апельсиновую «Мимозу». Затем она обратилась к Лайле: — Если тебе приходится терпеть это напряжение, то ты должна, по крайней мере, заняться с ним сексом за причиненные неудобства. Может, это немного охладит вас обоих.

Лайла вздохнула:

— Или ещё больше все запутает. — Она поставила локти на стол и обхватила голову руками. — Я знаю, нам надо попытаться отпустить ситуацию. Я не понимаю, в чем тут загвоздка... Каждый раз, когда я смотрю на него, я чувствую себя той же двадцатидвухлетней дурочкой, какой я была, когда мы познакомились. Все, что произошло... все, что я сделала, — это унижительно. И хуже всего то, что я знаю: *он* тоже думает об этом. Я просто не могу это так оставить.

Ивонна протянула руку и погладила её по спине.

— Это не унижительно. А если даже и так, то ничего страшного. Попытайся простить и понять двадцатидвухлетнюю Лайлу. Помни, ты одна из тех, кто любит её. Тебе запрещается говорить о ней плохо.

Лайла улыбнулась сквозь навернувшиеся на глаза слезы.

— Спасибо. Простите, что я сегодня такая вялая. Я должна была понимать, что лучше не приходить на обед, когда ничего нельзя есть.

Подруги рассмеялись.

— Лучше, когда с нами плаксивая трагичная Лайла с низким уровнем сахара в крови, чем когда нет вообще никакой, — заметила Энни.

Ивонна и Пилар подняли бокалы в знак согласия. Лайла закрыла лицо руками.

— Прекратите, а то я сейчас по-настоящему расплачусь! — всхлипнула она.

Лайла вовсе не была нюней, хотя, конечно, за эти годы пролила перед подругами немало слез. Она не хотела признаваться, но напряженная обстановка на съемочной площадке уже начинала сказываться на ее нервах. А еще она отчаянно нуждалась в том, чтобы провести хоть немного времени с теми, кто к ней действительно хорошо относился.

Трое подруг как одна встали и обступили Лайлу со всех сторон, чтобы обнять ее прямо там, где она сидела. Так они и застыли — в неловком, но приятном дружеском объятии. Если бы Лайла не была так измотана, она обязательно пошутила бы по поводу сходства этой картины с одной из самых приторных сцен из «Н.А.G.S.», но вместо этого она предпочла помолчать и насладиться моментом.

Она сделала долгий глубокий вдох, будто человеческая теплота, которая окружила ее прямо сейчас со всех сторон, могла сохраниться в ней на долгое время — чтобы выходя потом регулярными крошечными дозами, укреплять ее на протяжении всей предстоящей одинокой враждебной неде-

ли.

Ивонна отпустила Лайлу и потянулась через стол за телефоном.

– Давайте все вместе сфотографируемся, пока не забыли. Держу пари, это тут же затмит дурацкую рожу Шейна!

Съемки для журнала проходили в Беверли-Хиллз, в историческом отеле, который являлся одновременно и туристической достопримечательностью, и центром деловой активности киноиндустрии. Шейн несколько раз ужинал в здешнем ресторане, но наверху оказался впервые. Для фотосессии сняли три номера на последнем этаже: огромный роскошный люкс для самих съемок и два номера поменьше для Лайлы и Шейна — чтобы им было где готовиться.

На прошлой неделе Шейну позвонила женщина по имени Мерседес, представившаяся постановщиком интимных сцен. Его это несколько удивило. Он знал о существовании таких специалистов, но никогда с ними раньше не сталкивался и считал, что они нужны в основном для съемок сексуальных сцен в кино, а не для фотосессий.

Мерседес объяснила, что Дарио, фотограф, с недавних пор стал приглашать ее на любые съемки, где присутствовала обнаженная натура или имитировался интимный контакт. Мерседес спросила, есть ли у него какие-либо жесткие ограничения относительно того, что касается первого или второго.

— А с ней вы уже поговорили? *Она* сказала, что доставляет ей дискомфорт?

Шейн не хотел быть тем, кто моргнет первым.

– Об этом вам не стоит беспокоиться. Речь исключительно о ваших индивидуальных границах.

– Меня устраивает все, на что согласна она, — быстро ответил Шейн.

Однако осознать полностью, что его ожидало в реальности, Шейн смог лишь тогда, когда приехал в отель и стилист показала ему три его образа — в костюме от кутюр, в черных трусах-боксерах и в бежевом поясе для танцев (нечто среднее между бандажом, плавками и стрингами). Наверное, это лучше, чем носок для члена¹⁹, хотя и ненамного, уныло подумал он.

После того, как Шейн переоделся в костюм (оставшись в собственном нижнем белье, как они и договорились), к нему зашла Мерседес. На вид постановщице интимных сцен было слегка за пятьдесят. У нее было широкое дружелюбное лицо, выующиеся темные волосы, сильно тронутые сединой, и самая успокаивающая аура, с какой Шейн когда-либо сталкивался.

– Обычно перед съемкой я собираю пару, провожу небольшую разминку и еще раз проговариваю основные правила, но Лайла считает, что в этом нет необходимости, поскольку вы проработали вместе много лет. Я доверяю вам, главное, чтобы с вашей стороны не было возражений. Что скажете?

– Я согласен! — ответил он с чрезмерным воодушевлением.

¹⁹ Специальный мешочек, надеваемый актерами-мужчинами для съемок эротических сцен.

– Прекрасно. Поскольку это фотосессия, нам нет нужды заранее все продумывать. Мы можем останавливаться и разбираться во всем по ходу процесса, а также устраивать столько перерывов, сколько понадобится. Просто не стесняйтесь говорить мне, что я должна сделать, чтобы этот опыт получился максимально комфортным для вас.

«А вы можете подобрать для меня другую партнершу?»
— чуть не ляпнул он, но вовремя сдержался.

Следующим подошел и представился Дарио. Это был высокий лысый мужчина с низким бархатистым голосом и роскошной черной бородой. Он тоже сказал, что хочет, чтобы они чувствовали себя комфортно и расслабленно и, самое главное, получили от съемки положительные эмоции. Шейн подумал, что примерно такие же положительные эмоции он испытал бы, если бы ему предложили сделать эпиляцию всего тела — о чем его, к счастью, не просили, — но улыбнулся, кивнул и сказал все, что полагалось сказать в этом случае.

Дарио уже направился к двери, но снова повернулся к Шейну.

– Кстати, я большой поклонник вашего сериала. Вы не знаете, они собираются уже наконец свести вас?

Шейн кисло улыбнулся.

– В этом весь смысл сегодняшних съемок?

Дарио ухмыльнулся.

– Ну да. Увидимся на месте.

Когда Шейн пересек коридор и вошел на съемочную пло-

щадку, Лайла уже была там — наносила последние штрихи макияжа. Кто-то, очевидно, выключил термостат, чтобы компенсировать тепло, исходившее от прожекторов, и в номере было чертовски холодно.

Их обоих стилизовали в двусмысленной ретро-эстетике. волосы Шейна были зачесаны назад, борода свежеподстрижена, волосы Лайлы начесали и сделали эффектный макияж «кошачий глаз», придав глазам выразительности.

На Лайле было тонкое шелковое платье-комбинация, и, кинув в ее сторону взгляд, он понял, что она мерзнет. Он быстро отвел глаза, поскольку она смотрела прямо на него, и ему не хотелось доставлять ей удовольствие, разглядывая ее.

Тем не менее, выглядела она действительно хорошо. Даже лучше, чем хорошо. Он подумал было о том, чтобы подойти к ней и сказать ей это, попытавшись растопить между ними тот лед, к которому не имела отношения температура помещения, но эти шаги с таким же успехом могли оказаться и километрами. Слова застряли у него в горле, и он отвернулся, когда одна из визажисток подошла, чтобы затонировать ему лицо. Кто-то включил для настроения музыку — знойный атмосферный трип-хоп²⁰, — и ритмичные звуки низко и ровно запульсировали по комнате.

Фотосессия началась в гостевой комнате люкса, на блед-

²⁰ Музыкальный стиль, возникший в начале 1990-х годов в Великобритании. Отличается довольно медленным темпом и сочетает в себе элементы различных жанров — экспериментального хип-хопа, джаза, даба, рока, соула и некоторых других.

но-розовом бархатном диване, который стоял напротив камина. Лайла села по центру дивана, Шейн встал позади, положив руки на спинку. По сигналу Дарио она подняла руку и схватила его за галстук, притянув ближе. Когда Шейн встретился с ней взглядом, ее лицо выражало настороженность, а в шее и подбородке ощутимо вибрировало напряжение.

Первые фотографии получились так себе, да и в принципе было ясно, что их не стали бы использовать. Шейн догадался, что это был только повод разогреть их, прежде чем по просьбе фотографа они начнут сбрасывать с себя одежду и прижиматься друг к другу.

Щелк-щелк-щелк.

– Хорошо, отлично. Вы оба великолепны. Постарайтесь слегка расслабиться. Сделайте глубокий вдох и выдохните. Я думаю, мы пока подбираем ключики. У нас полно времени.

Затем Шейн сел с краю дивана, широко расставив ноги и лениво положив руку на спинку. Дарио опустил камеру и стал выкрикивать инструкции, жестикулируя свободной рукой.

– А теперь ты, Лайла, подвинься ближе — да, да, под его руку, голову ему на грудь, абсолютно верно. Слегка согни колени, разверни стопу — идеально. Шейн, опусти руку и посмотри на нее.

Лайла почти полностью легла на бок, вплотную прижавшись к Шейну и вытянув ноги к другому концу дивана. Когда она положила руку ему на грудь, он против воли почув-

ствовал, как участилось сердцебиение. *Твою ж мать!* Если она так действует на него уже сейчас, пока они полностью одеты, то его ожидает чертовски трудный день.

Он уставился на ее макушку, стараясь замедлить и взять под контроль дыхание, внимательно рассматривая узоры из прядей волос на ее голове и убеждая себя, что в них нет ничего сексуального. Но, несмотря на все усилия, у него пересохло во рту, когда он уловил знакомый запах ее лавандового шампуня.

– Шейн, твое лицо слишком сильно напряжено. Это плохо. Попробуй слегка разжать челюсти.

Дарио вновь заставил их сменить позы. Лайла откинулась на спину, прислонившись к краю дивана и заложив руку за голову. Ее ноги раздвинулись, юбка задралась вверх по бедрам, и Шейн поставил одно колено между ее ногами — ни в коем случае не касаясь их, но она все равно неловко подвинулась, чтобы между частями их тел осталось как можно больше пустого пространства.

Пока Мерседес проверяла каждый элемент позы, Шейн завис над Лайлой, уперевшись одной ногой в пол, в то время как она свободной рукой сжимала лацкан его пиджака. Затем он передвинул руку, чтобы накрыть запястье ее второй руки, перекинутой через подлокотник дивана, и как только пальцы его сомкнулись, он заметил, что зрачки Лайлы на мгновение, почти незаметно, расширились.

– Лайла, ничего, если он положит вторую руку тебе на бед-

ро? — спросила Мерседес.

Веки Лайлы слегка дрогнули, но она кивнула. Шейн колебался секунду, прежде чем провести пальцами по прохладной нежной коже внутренней стороны бедра, пока кончики его пальцев не коснулись подола ее платья. Он снова посмотрел на ее лицо, увидел, как краска приливает к скулам Лайлы, и именно в этот момент почувствовал возбуждение. *Проклятье!* Почему она всегда вызывает у него такую реакцию?

Он встретился с ней глазами — неизвестно, что она прочла в них, но это заставило ее немедленно отвести взгляд, а румянец сильнее запылал на ее щеках.

Дарио сделал еще несколько снимков и посмотрел на дисплей.

– Все в порядке, Лайла? У тебя такой вид, будто он собирается тебя изнасиловать.

Она рассмеялась, но смех ее прозвучал скорее как сдавленный всхлип.

– Все отлично.

– Я просто уточняю. Возможно, это из-за того, что ты держишь его за пиджак. Почему бы тебе не потрогать его лицо?

Лайла отпустила лацкан пиджака Шейна и поднесла руку к его подбородку. Шейн был готов к этому, и все же прикосновение пальцев Лайлы едва не заставило его подпрыгнуть — и не только потому, что ее рука оказалась ледяной. Он был на таком, черт возьми, взводе, что даже неловко.

Единственным утешением стало то, что и Лайле было не по себе, — он видел это совершенно отчетливо. Она проследовала взглядом за своей рукой, когда легонько провела большим пальцем по его бороде, и ее брови нахмурились, будто она пыталась решить в уме сложное уравнение.

Дарио обошел вокруг, внося незначительные коррективы в позы и фотографируя их с разных ракурсов, после чего наклонился к своей помощнице и начать с ней совещаться. Они обсуждали что-то целую вечность, пока Лайла и Шейн, неловко застыв на диване, упорно старались не смотреть друг другу в глаза.

— Давайте переоденемся и перейдем в ванную, — сказал наконец Дарио.

Шейн спрыгнул с Лайлы, будто подброшенный пружиной, чувствуя, как горит щека в том месте, к которому она прикасалась.

Он удалился в свою комнату для переодевания, скинув пиджак сразу, как только вошел в номер. На его счастье, стилист выдал ему и трусы, и балетный бандаж. Он надел бандаж, надеясь, что его плотная набивка и сжимающее давление сделают его член настолько незаметным, насколько это возможно, даже если у него опять встанет. Шейн цеплялся за это «если», понимая, что засада в другом: не «если», а, скорее, «когда».

Он уже натягивал халат, когда раздался стук в дверь. Вошел Дарио, а за ним Мерседес. Оба тепло ему улыбались.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Дарио, присаживаясь на подлокотник мягкого кресла в углу.

— Нормально. Хорошо. Что-то не так?

— Вообще-то, мы зашли сюда, чтобы спросить тебя о том же самом, — сказала Мерседес. — Между вами с Лайлой что-то происходит?

— В каком смысле? — испугался Шейн, изо всех сил стараясь выглядеть спокойным.

— Вы сегодня за весь день не сказали друг другу ни слова. *«Не только сегодня»*, — хотел парировать он.

— Ну... эм-м... Нам просто необходима концентрация, когда мы работаем. И не отвлекаться на болтовню.

Мерседес и Дарио обменялись взглядами.

— Понятно, — сказал Дарио. — Но дело в том, что... мы не чувствуем между вами химии. И в то же время нам очевидно, что между вами она есть. Но прямо сейчас эта связь отсутствует. Собственно, ради нее эта съемка и затевалась. Без нее выйдет вульгарщина.

Шейн провел рукой по лицу.

— Блин. Прошу прощения. — Он указал на свое обернутое в халат тело. — Наверное, я слегка нервничаю.

Выражение лица Дарио прояснилось.

— Ну конечно. Полностью понимаю. Мы не будем никого пускать на место съемки до конца дня, если это вам поможет. — Он снова встал. — Кроме того... я ни к чему тебя не принуждаю — я не предлагаю напиваться, но если хочешь,

всегда можно принять чего-нибудь для расслабления.

— Например? Таблетки что ли?

Дарио усмехнулся.

— Вообще-то я намекал на текилу, но могу поискать в аптечке что-нибудь.

Мерседес откашлялась.

— А еще мы можем провести с вами двоими несколько упражнений на сближение, о которых я говорила...

— Я выбираю текилу, — поспешно прервал ее Шейн.

Стаканчик напитка согрел его изнутри, и напряжение в теле действительно спало. Но, очевидно, не до конца. На это ушла бы вся бутылка. Он выпил еще стаканчик для пущего эффекта.

Обратно на место съемки Шейн вернулся чуть более развязной походкой. Лайла появилась через несколько минут, тоже будто немного расслабившись. Их провели в ванную комнату — почти такую же большую, как спальня, — с вычурной люстрой, которая свисала над стоящей по центру ванной на львиных лапах. Верный своему слову, Дарио закрыл место съемки от всех, кроме них троих и Мерседес.

По крайней мере, здесь было тепло.

— Когда будете готовы, можете скинуть халаты, — проинструктировала Мерседес.

Снимая свой халат, Шейн отвернулся от Лайлы — словно это имело хоть какой-то смысл.

Для начала Дарио сфотографировал в зеркале Лайлу, ко-

торая делала вид, будто, поправляя макияж, увидела в отражении Шейна, сидевшего в (пустой) ванне и наблюдавшего за ней.

Винтажная тематика фотосессии включала и нижнее белье, которого явно не было под ее платьем ранее: бюстгальтер на бретельках, обтягивающий ребра, трусы с завышенной талией, чулки до бедер, пояс с подвязками и туфли на каблуках — всё черного цвета. Шейн никогда по-настоящему не понимал привлекательности модного нижнего белья — оно всегда казалось ему скорее препятствием, нежели чем-то еще, — но Лайла в нем выглядела чертовски убедительно.

Несмотря на то, что бюстгальтер придал ей почти мультикшнньй вид, взгляд Шейна продолжил скользить вниз, к полоске живота между поясом и нижней частью лифчика, затем к голому участку бедра, видневшемуся из-под верха чулка. Обнаженной кожи было меньше, чем если бы она надела купальник, но в общей композиции проявилось нечто такое, что производило почти непристойное впечатление.

Он мог только смотреть, как она выгибала спину и склонялась над столешницей, заново подкрашивая губы. В голову тут же полезли эротические фантазии о размазанной губной помаде, о пальцах, впивающихся в эти дразнящие проблески кожи, о ее расширившихся зрачках, отражающихся в зеркале, и остановившемся, отсутствующем взгляде.

Первым порывом было подавить в себе эти непрошенные мысли. Однако пытаться сдерживаться и как-то скрывать это

было бессмысленно. Какую бы тревогу он ни испытывал по поводу того, что она могла по-прежнему вот так запросто проникать ему под кожу, в конечном счете, это было именно то, чего от них добивались: чтобы стало видно, как сильно он ее хочет. Ладно, по херу. Он может дать им это, даже не задействовав актерскую игру.

– Потрясающе, Шейн. Продолжай вот так смотреть на нее. Лайла, перекинь волосы через плечо и оглянись.

Она сделала, как ей велели, и когда ее глаза встретились с его глазами, Шейна будто током ударило. Он хорошо помнил этот взгляд. Судя по всему, она тоже больше не нервничала.

– Сногсшибательно. Я от вас двоих сейчас умру. Лайла, подойди и сядь на край ванны. Только не спеши.

Она докрасила губы и повернулась, задержавшись на мгновение, чтобы прислониться попой к столешнице. Дарио обошел их кругом, когда она ленивой походкой направилась к Шейну, отстукивая каблуками по плитке неторопливый ритм. Шейн позволил себе жадно пожирать ее глазами: он поднес большой палец к губам и, не спуская с нее глаз, слегка провел им по нижней губе. Взгляд Лайлы проследил за его движением, ее грудь поднялась и опустилась с тяжелым выдохом.

Следуя указаниям Мерседес, Лайла примостилась на бортике ванны, невинно скрестив лодыжки, пока ее задница не оказалась всего в паре сантиметров от плеча Шейна. Затем она положила руку ему на затылок. Когда она медленно про-

вела пальцами по его волосам, по его коже побежали приятные мурашки. Крепко ухватив его за волосы, она откинула его голову назад и жадно посмотрела на него сверху вниз.

Если раньше ему показалось, что у него встал, то это было ничто по сравнению с тем, что творилось с ним сейчас, когда член пульсировал и пытался вырваться из-под сдерживавших его пут. Шейн почувствовал, как напряглась спина, прижатая к стенке ванны, в то время как сам он с трудом удерживался от желания потянуться к Лайле и вонзить зубы в ее бедро там, где оно касалось краешка ванны.

— Идеально! Прекрасно! — Сияющий Дарио опустил камеру. — Думаю, пора перейти в спальню.

Лайла отпустила волосы Шейна так резко, что он чуть не ударился головой о бортик. Она надела халат раньше, чем он успел вылезти из ванны.

Итак, они переходили к заключительному этапу их переодеваний. Последовал еще один перерыв, чтобы съемочная группа могла погасить осветительные приборы и перетащить их в спальню. Как только его номер покинули парикмахер и визажистка, Шейн подумал о том, не пойти ли ему в ванную подрочить, чтобы хоть немного облегчить страдания, но потом решил, что это равносильно признанию поражения; признанию, что она по-прежнему обладает над ним властью. Однако и игнорировать этот факт было невозможно.

Мерседес снова заглянула к нему.

— Хочу уточнить еще раз, прежде чем мы вернемся к съем-

кам. Имеются ли на твоём теле места, которые Лайле запрещается трогать?

— Нет! — слишком честно и легко ответил он.

В центре спальни стояла огромная кровать с балдахином, застеленная девственно белыми простынями и вздымающимся пуховым одеялом. Шейн и Лайла встали в противоположных углах комнаты и молча сбросили халаты, как боксеры в ожидании удара гонга к началу раунда.

Как только они забрались под одеяло с разных сторон, ему пришло в голову, что они не раздевались вместе с тех пор, как были, ну... вместе. Последний их секс был поспешным и свирепым — они даже не утруждали себя тем, чтобы снимать что-то, кроме абсолютно необходимого в такой ситуации. Он заставил себя не блуждать глазами, отмечая те места, которые изменились в её теле за прошедшие годы: пополнели, стали мягче и пышнее — не настолько, чтобы он это заметил, когда она была одета, но достаточно, чтобы сжать простыню в кулак теперь, стараясь не поддаваться искушению коснуться ее.

Однако Лайла не была полностью голой. Ее соски были закрыты накладками, а низ прикрыт стрингами из спандекса, цвет которых был настолько близок к тону ее кожи, что его член на минуту пришел в замешательство от такой барбиподобной эстетики. С другой стороны, учитывая его кукольный пах Кена, он подумал, что они подходят друг другу как нельзя лучше.

Съемка началась с того, что Дарио взобрался на самый верх стремянки, поставленной возле кровати, чтобы сфотографировать их с высоты. Шейн лежал на спине, а Лайла — у него на груди. Его рука крепко обняла ее тело, притянув вплотную к себе. Ощущения были абсолютно естественные, хотя удивляться этому не приходилось. Они лежали так бесчисленное количество раз — но не в последние годы и никогда перед камерой.

Было что-то забавное и одновременно омерзительное в том, как они вынуждены были реанимировать труп прежней близости, не имея даже возможности спрятаться за барьером из собственных характеров. Тело ощущало себя так, будто для него ничего не изменилось. Но это — не более, чем мышечная память и феромоны, игра подсознания, вызванная ароматом ее ванильного лосьона для тела.

Он закинул руку за голову и уставился в камеру, а она прижалась щекой к его груди, предположительно глядя туда же.

– Очаровательно. А теперь посмотрите ради меня друг на друга. Покажите нам эту связь.

Лайла сдвинулась чуть выше по его телу, и его рука автоматически скользнула вниз, обхватив ее за талию. Когда их глаза встретились, выражение ее лица показалось ему нежным и беззащитным. Теперь, когда их лица оказались так близко друг от друга, он потянулся одной рукой и заправил прядь волос ей за ухо. Он понял: еще немного, и он потеряет голову — пока почти каждый дюйм ее обнаженного тела

был прижат к нему, больше всего на свете ему хотелось ее поцеловать.

После этого все стало слегка туманным.

Он прислонился спиной к изголовью кровати, немного раздвинув ноги, Лайла села бочком между ними, прижав простыню к груди и положив обе ноги на его ногу. Затем она склонилась вперед, чтобы уткнуться лицом ему в шею, и его рука невольно взлетела, чтобы погладить ее спину.

— Шейн, ты не против? — смутно расслышал он вопрос Мерседес.

— М-м, — промычал он, надеясь, что это прозвучало достаточно убедительно, но так, чтобы Лайла не слишком собой возгордилась.

В этот момент он почувствовал горячее прикосновение ее языка, когда она прижалась в поцелуе к его шее, и едва сдержал стон.

Только теперь он понял ее игру: она прекрасно понимала, насколько он возбужден, и просто-напросто издевалась над ним. Охватившая его досада была ничем по сравнению с тем жаром, который уже несколько часов разливался по его венам, но ее оказалось вполне достаточно, чтобы в голове у Шейна слегка прояснилось.

— Окей, Лайла, давай немного сбавим обороты, — предложил Дарио. — Я очень ценю твою преданность делу, но мы же не хотим, чтобы это выглядело похабно?

Лайла оглянулась на него и скромно потупила взор.

– Простите.

– Не надо извиняться. Рад был увидеть, что вы оба это почувствовали. Лучше зайти слишком далеко и вернуться обратно, чем пытаться что-то из себя вытягивать.

Шейн мог бы назвать по меньшей мере одну серьезную причину, по которой ей вовсе не стоило заходить слишком далеко, но удержал рот на замке.

Наконец Дарио и Мерседес пересадили их в позу, которой он больше всего боялся: Шейн сел прямо, чтобы Лайла могла оседлать его.

Пока Мерседес расправляла простыни, Лайла оставалась на коленях, нависая над ним. Он надеялся, что как только ее должным образом укроют, она не опустится вниз до конца, а оставит хотя бы небольшой промежуток между их телами. Но вместо этого она медленно подтянула колени вперед и уселась на его пах.

Шейн не удержался и зашипел, будто обжегся. Пошевелившись, Лайла ухмыльнулась и бросила взгляд вниз, а затем снова посмотрела ему в лицо.

– Не льсти себе, — прошептал он ей на ухо так тихо, чтобы не расслышали Дарио и Мерседес.

Она обвила руками его шею и наклонила голову вниз, пока ее щека не коснулась его щеки.

– Не льсти *себе*, думая, что я сочту это чем-то иным, нежели доказательством твоего полного непрофессионализма, — ответила она низким хриловатым голосом.

– Просто продолжай говорить. От твоего голоса у меня уже падает, — солгал он сквозь стиснутые зубы.

Дарио показал им несколько вариантов позы: она застенчиво оглядывается через плечо; их лбы прижимаются друг к другу. Дарио присел на корточки рядом, развернув их лица к камере. Время от времени Лайла слегка двигала бедрами — не так широко, чтобы кто-то еще, кроме Шейна, мог это заметить, но достаточно, чтобы у него перед глазами все плыло.

– Ну и кто теперь ведет себя непрофессионально? — процедил он, еще крепче сжимая ее бедра в попытке удержать на месте.

– Похоже, по-прежнему ты.

Она поправила бедро, сдвинув простыню, и ее злорадная ухмылка исчезла.

Шейн проследил за ее взглядом, уже понимая, куда она смотрит: из-под пояса балетного бандажа виднелась маленькая — размером не более семи миллиметров, — слегка размытая по прошествии лет татуировка в виде черного муляжного призрака.

Когда она вновь взглянула на него, самодовольное выражение ее лица сменилось неподдельным изумлением.

– Ты так и не удалил ее?

Это был вопрос, не нуждавшийся в ответе.

Он сдвинул остальную часть простыни в сторону, чтобы посмотреть на ее бедро. Там тоже была татуировка, но когда

он пригляделся, то увидел незнакомый символ.

Она перебила свою. Ну кто бы сомневался!

* * *

— Это необязательно должно становиться чем-то бóльшим, чем есть сейчас.

Так сказала она ему, когда они в первый раз занялись сексом; в первый раз, когда между ними произошло нечто большее, чем флирт или томные взгляды, и случилось это в ее гостиничном номере после презентации нового телесезона.

Он кивнул в знак согласия, но поскольку она говорила это, сидя на нем верхом, пока его руки судорожно расстегивали застёжку ее лифчика, то, вероятно, он согласился бы с чем угодно — даже если бы она сказала «сэндвич с куриным салатом».

Позже, когда к его мозгу прилило достаточно крови, чтобы он смог, пусть и с опозданием, осмыслить сказанное Лайлой, он ощутил облегчение. Не то чтобы он категорически отвергал обязательства. Но на тот момент он жил в Лос-Анджелесе меньше года, и его жизнь уже кувыркнулась с ног на голову из-за внезапно полученной главной роли в сериале. Если сюда добавятся еще и новые отношения, все это может обернуться катастрофой. К тому же он едва знал ее, и они были коллегами, черт возьми! Отношения без обязательств оставались единственным разумным вариантом.

По прошествии времени стало ясно, что на самом деле наиболее разумным вариантом было вообще не спать вместе, но тогда по какой-то причине ему это даже не пришло в голову.

Он был рад, что она высказалась о своих ожиданиях прямо, избавив его от необходимости строить догадки, чего она хочет на самом деле. Верный своему слову, он не остался у нее ночевать, и даже более того — они не общались после презентации и до начала съемок первого сезона. Он был готов расценить это как одноразовое приключение. Но потом, в первую же неделю работы на съемочной площадке, он зашел к ней в трейлер — порепетировать диалог, — и в итоге набросился на нее.

Их единственная попытка определиться с отношениями случилась примерно месяц спустя — когда они уже проводили вместе по две-три ночи в неделю, но только после съемок и никогда по выходным. В тот вечер он уже засыпал, убаюканный мягким бормотанием телевизора в ее затемненной спальне.

– Ты встречаешься сейчас с кем-нибудь еще? — спросила она небрежно, и ее теплое дыхание коснулось его груди.

Он не встречался.

– Ты давно проверялся на ЗППП?

Он проверялся недавно.

– Хочешь отказаться от презервативов? Я поставила спираль. Просто дай знать, если... если что-нибудь изменится.

Это прозвучало не слишком романтично, зато честно. И если уж быть до конца откровенным, он ни разу не приглашал ее на настоящее свидание за все время, пока они были вместе. Если бы они встречались напоказ, то это выглядело бы совершенно иначе. Тогда перед ними встала бы совсем другая задача, и проблем тоже бы стало больше. Их отношения изначально строились на обычном физическом влечении, удобстве и необходимости снимать стресс. Никакие сантименты для них ничего не значили.

И не было никакого разумного объяснения, почему всего лишь спустя несколько месяцев, если он смотрел на нее: когда они, невыспавшиеся, сидели рядом в трейлере-гримерке, когда она с невероятной сосредоточенностью погружалась в себя, изучая сценарий или ожидая команды «Мотор!», или когда в конце вечера она ныряла в постель к нему под бочок, надев одну из его футболок, — его сердце оживлялось ритмом, казавшимся ему *вечным*.

Впрочем, не всякий раз. Не так часто, чтобы что-то менять. Но достаточно часто, чтобы почти потерять голову.

В то время еще и друзья толкали его в противоположную сторону. Они не только не одобрили его отношения с Лайлой, но и считали, что он напрасно теряет время, связываясь с кем бы то ни было. Ему стоило оставаться открытым, пользуясь своим вновь приобретенным статусом звезды самого популярного телесериала в стране. С Лайлой, рассуждали они, он получит самое худшее: все тяготы моногамии

без каких-либо преимуществ.

Татуировки стали самым тревожным звоночком. Это наполовину подавленное *навсегда* в итоге запечатлелось на его коже.

Если честно, он так и не понял, почему до сих пор не удалил эту чертову татуировку. Он собирался это сделать. Но сначала пришлось подождать шесть-восемь недель, пока рана полностью заживет, прежде чем записываться на прием, а потом все откладывал и откладывал, пока почти не перестал ее замечать. Однако теперь при виде татуировки у него перевернулось все внутри. Хотя они и расстались, но их шанс на то самое *навсегда* был разрушен раньше, чем они сблизились по-настоящему, а ее клеймо так и осталось на нем.

Шейн скомкал в кулаке простыню.

—Забил на это, — буркнул он.

Его удивила ярость собственной реакции, но он и так весь день держался на грани, благодаря стараниям женщины, которую он ненавидел больше всего в жизни и которая продолжала липнуть к нему, как рыба-прилипала. На ее лице у кромки волос выступили капельки пота. Возможно, именно это и доконало его.

Лайла ничего не сказала — она опустила ресницы и с загадочным выражением лица еще раз провела пальцами по его татуировке.

Внезапно он осознал, что больше не сможет выдержать этого ни секунды. Ничего из этого. Он резко вскочил, сбро-

сив Лайлу с коленей на кровать.

– Мы сделали все, что хотели? — хрипло спросил он, быстро натянул халат и, прежде, чем кто-либо успел ответить, выбежал из комнаты.

Семью годами ранее

На утро после вечеринки по случаю окончания съемок первого сезона Лайла проснулась с ощущением жжения на бедре и худшим похмельем в своей жизни. Она несколько раз моргнула — тяжело и болезненно. Все тело ее ныло, от нечищенных зубов и мерзкого привкуса во рту сводило желудок. Теплая тяжесть тела Шейна, обнимавшего ее, обычно успокаивала, но сейчас казалась удушающей. Высвободившись из-под него и перекатившись на другой бок, Лайла слышала шуршащий звук.

Она встала, покачнувшись от того, что пульсация в голове усилилась, и посмотрела на кровать в поисках источника шуршания. Она отвратительно себя чувствовала и ничуть бы не удивилась, если бы оказалось, что они объелись фаст-фудом и тут же уснули на пустых обертках. Телекомпания предоставила водителей, которые отвозили их на вечеринку и обратно, и она хорошо понимала, что пьяная Лайла запросто могла бы попросить водителя остановиться на заправке или завернуть в автокафе. Но на кровати лежало только распростертое ничком, бесчувственное тело Шейна.

Лайла приподняла низ длинной футболки, которая была на ней надета, и бегло осмотрела себя в поисках прилипшей обертки от «Орео» или чипсов.

То, что она обнаружила, оказалось хуже — гораздо хуже.
— *Черт!* — прохрипела она, опустила футболку и, шата-
ясь, ломанулась в ванную.

В перерывах между приступами рвоты она расслышала,
как возится в кровати Шейн.

— У тебя там все в порядке? — промычал он.

Вместо ответа она не оборачиваясь лягнула дверь, закрыв
ее поплотней. Когда Лайла почувствовала, что снова может
стоять на ногах, она прополоскала рот водой, после чего тща-
тельно почистила зубы и еще раз прополоскала рот и горло.

На отражение в зеркале было страшно смотреть: волосы
спутанные и сальные, кожа в пятнах, под глазами размазан-
ный макияж. Лайла наклонилась ближе. А это что такое, *за-
сос*?! И даже не один, ужаснулась она после того, как откину-
ла волосы назад. Целое созвездие засосов! Из-за особенно-
стей ее кожи следы оставались на раз-два, но Шейн обычно
старался не ставить засосы там, где они могут быть заметны.
Однако сейчас Лайла даже не смогла из-за этого разозлиться
на Шейна. По крайней мере сегодня хотя бы не нужно беспо-
коиться о том, что придется идти на съемки и видеть, как по-
нимающе ухмыляются визажисты и стилисты. Все это прой-
дет — в отличие от пульсирующего напоминания на бедре.

Спотыкаясь, она побрела обратно в спальню. Шейн тоже
выглядел почти как покойник. Он лежал, растянувшись на
кровати по диагонали, лицом вниз, и прижимал ее подушку
к груди так же, как несколькими минутами ранее прижимал

Лайлу.

Шейн поднял голову, чтобы взглянуть на Лайлу, и ленивая улыбка расплылась по его лицу, когда он заметил, как выглядит ее шея.

– Блин, я конкретно тебя измочалил. Мне жаль.

Однако самодовольный тон Шейна ясно давал понять, что нисколько ему не жаль. В другой ситуации она, возможно, сочла бы это милым. Но сейчас она пришла в ярость.

– Сюда глянь!

Лайла села возле его головы, и он машинально протянул руку, чтобы сжать ее ягодицу. Она отпихнула его и, приподняв край футболки, показала маленький квадратик черной полиэтиленовой пленки, приклеенный скотчем к бедру.

– Что это?

– Похоже, черт возьми, *татуировка*,— ответила она и, морщась, медленно отлепила скотч от кожи.

Шейн выпрямился, внезапно протрезвев. Он лежал голый, и им не потребовалось много времени, чтобы найти соответствующее место на его бедре, которое также оказалось закрыто пленкой, приклеенной скотчем. В отличие от ее осторожных манипуляций, он не раздумывая сорвал пленку, так что оба открыли свои таинственные татуировки одновременно: крошечные, похожие друг на друга мультяшные призраки — такие тошнотворно милые, что Лайла хотела опять бежать к унитазу.

Они смотрели друг на друга несколько долгих напряжен-

ных секунд. Выражение лица Шейна понять было трудно: он будто не знал, как к этому отнестись, и ждал, что скажет Лайла.

Лайла изо всех сил пыталась собрать воедино воспоминания о прошлой ночи, пробивавшиеся сквозь туман похмелья медленнее, чем ей хотелось бы.

Заведение, в котором они гуляли, специализировалось на «веселящих» коктейлях фрозен²¹ — официанты сновали взад и вперед с подносами, уставленными флуоресцентными радужными рюмками, содержимое которых было очень холодным, липким и опасно сладким. Лайла выяснила это сразу, поскольку, едва приехав, попробовала три разных вкуса подряд вместе с Максом, руководителем команды стилистов, после чего все вокруг сделалось немного расплывчатым.

Она не любила выпивать, особенно в съемочный период — ей казалось дурным тоном работать с похмелья (не говоря уже о том, что это было физически неприятно), к тому же после попоек она выглядела перед камерой опухшей и усталой. Так что, если учесть наступивший отпуск и ее небольшой опыт употребления алкоголя, неудивительно, что она перестаралась.

Лайлу охватила тревога. Если до сих пор им с Шейном удавалось каким-то образом держать в секрете свое «что бы

²¹ Коктейли фрозен, или замороженные коктейли, готовятся с перемешанным в блендере льдом. Напиток и лед берут в таких пропорциях, чтобы по текстуре коктейль напоминал слегка подтаявший снег.

это ни значило», то теперь возник серьезный риск, что вчера вечером они слишком раскрепостились в присутствии коллег. Выпив, они оба не стеснялись лапать друг друга. Месяцы встреч тайком, передвижения на разных машинах, отказ от появления на публике вместе, вежливое опровержение сплетен — и все это перечеркнуто несколькими порциями замороженной «Маргариты».

Застонав, она закрыла лицо руками.

— Господи! Ты помнишь что-нибудь из того, что было вчера? Мы не... Когда мы вообще это *сделали*?

Он наморщил лоб.

— Не знаю.

Лайла вновь застонала — еще более отчаянно.

— Какой кошмар! — Она понимала, что перегибает палку, но сейчас ее мучило такое похмелье, что она, наверное, расплакалась бы даже из-за ушибленного пальца на ноге. Ее усталость внезапно сменилась нервозностью, она вскочила и принялась расхаживать взад-вперед. — Мы точно единственные, кто сделал татуировки? Можно ли кого-нибудь спросить? Или это покажется подозрительным?

— Я не знаю, — повторил Шейн, закрывая глаза.

— И это все, что ты можешь сказать?!

— А что ты хочешь, чтобы я сказал?

— Я не знаю, — ответила она, и его рот дернулся.

— А чего ты так психуешь? — пробормотал он обессиленно.

Лайла резко остановилась.

— Да ведь люди же узнают! О нас!

Он провел рукой по лицу.

— Я уверен, все и так уже знают. Во всяком случае, те, с кем мы работаем.

— Что?! Правда?! Ты так думаешь?! — С каждым вопросом тон ее голоса становился все выше и выше.

— Это же очевидно. Мы постоянно бываем в трейлерах друг у друга. Не думаю, что так уж сложно собрать все воедино. К тому же ты всегда раздеваешь меня глазами.

Она бросила на него свирепый взгляд. Он шаловливо улыбался ей, очевидно, пытаясь разрядить обстановку. Черт возьми, как он может оставаться таким спокойным? Ей всегда было трудно понять настолько невозмутимых людей, как он. Они в равной степени вызывали в ней и зависть, и досаду.

Правда, и такие люди, судя по всему, тоже никогда не знали, как реагировать на нее, и просто говорили, что она неврастеничка, или слишком остро все воспринимает, или слишком много думает, — как будто она сама этого не знала. Даже похмелье, похоже, действовало на Шейна по-другому, делая его расслабленным и игривым, в то время как ей сейчас казалось, будто с нее сняли кожу, одновременно увеличив до предела резкость и яркость мира.

Лайла плюхнулась обратно на кровать рядом с Шейном, не в силах понять, что она чувствует — раздражение или благодарность за то, что он не пошевелился и не попытался при-

коснуться к ней. Она закрыла глаза и положила на них ладони, стараясь отогнать навязчивые видения: вот они вдвоем, пьяные и накачанные коктейлями, хихикают в баре как идиоты; вот Шейн засасывает кожу ее шеи; вот зловеще жужжит тату-машинка.

Ей в голову пришла еще одна ужасная мысль: возможно, они проявили неосмотрительность не только в присутствии коллег, но и засветились на публике. Достаточно одной фотографии, и постоянный, настойчивый гул внимания, с которым она едва научилась жить, перерастет в рев, который накроет ее целиком.

Лайла приподнялась на локте и наклонилась, чтобы еще раз осмотреть бедро Шейна.

– Как думаешь, мы скоро сможем их удалить? Наверное, не получится, пока они не заживут, да? Ты знаешь, сколько времени это занимает?

Его прекрасное настроение вмиг исчезло.

– Ты хочешь их удалить?

– А ты *нет*?! — спросила она, широко раскрыв глаза.

Он отвел взгляд.

– Я такого не говорил.

– Тогда почему бы нам их не убрать?

Лайла почувствовала, что ее голос вновь сделался стервозным. Как однажды выразился ее худший школьный парень, это был такой голос, из-за которого мужской член скукоживается и пытается спрятаться внутри тела.

Шейн пожал плечами, не поднимая глаз, и его взгляд переместился на ее обнаженное бедро.

— Не знаю. Я к тому что... парная татуировка — это же не конец света?

Он потянулся, чтобы погладить ее бедро, но она отдернула ногу.

— Мы не пара! — отрезала Лайла, и Шейн будто окаменел.

Изначально предполагалось, что они перепихнутся разок-другой — и все.

Но один раз перерос в десять, затем в сотню, и, вопреки здравому смыслу, она позволила этому зайти слишком далеко. Потому что все было слишком просто. И было просто с *ним*.

Не в том смысле, что его было просто раздеть... Впрочем, да, так оно и было. Но они встречались спонтанно, он был непринужденным и милым, и самое главное — она могла ему доверять. Он был единственным человеком в ее жизни, который понимал, через что проходит она, поскольку и сам испытывал то же самое: невероятный, волнующий и ужасный опыт, который случается один раз на миллион — когда практически за одну ночь превращаешься из ничтожества в личность с большой буквы.

После того сумасшедшего года, который они провели вместе, простота осталась единственным, с чем Лайла могла справляться. Существовало более чем достаточно причин, по которым поддерживать с ним настоящие, серьезные отно-

шения стало бы невыносимо тяжело.

Возможно, они размыли границы, слишком часто проводя ночи вместе, но это было связано исключительно с логистикой: они уезжали со съемок поздно, приезжали рано и жили далеко друг от друга. Но они никогда не спали вместе, не занявшись сексом, — это была та черта, которую Лайла не переступала ни под каким предлогом.

До вчерашней ночи.

Увидев растерянное лицо Шейна, Лайла ощутила приступ чего-то похуже тошноты. Нечто близкое к отвращению, смешанному с отчаянием. У нее болело все — и внутри, и снаружи, она была настолько измучена и смущена, что самые разрушительные силы вырвались вдруг из глубины ее души на поверхность. Она захотела сделать ему больно. Наказать за непростительные преступления: за беспокойство о ней; за желание получить от нее то, что она не могла ему дать; за уверенность в том, что он ее знает.

— Ты что это о себе возомнил, а?!

Ее голос прозвучал будто чужой — он сделался язвительным и резким, как бы намекая ей, что через пять секунд она скажет нечто такое, о чем будет потом глубоко сожалеть.

— Я не...

Шейн сразу осекся, но Лайла продолжала давить, уже не в силах остановиться.

— Я когда-нибудь говорила, что хочу сделать эту сраную парную татуировку с тобой?!

– Нет, но...

– Но что?! — Она не помнила, когда вскочила на ноги, но теперь стояла, скрестив руки на груди, словно в глухой защите; словно вот-вот бросится прочь из собственной спальни. — Теперь ты считаешь себя моим *парнем*? Так?!

Он встретился с ней взглядом, и его голос стал пугающе спокойным.

– Нет. Когда ты так себя ведешь, не считаю.

Она вздернула подбородок.

– И как же я себя веду?

Он не ответил — он смотрел на нее глазами раненого золотистого ретривера.

Иногда ей казалось, что внутри у нее живет змея, свернувшаяся в клубок, которая только и ждет, когда Лайла откроет рот, чтобы наброситься при малейшей провокации. Она понимала, что ее понесло: кожа покраснелась, сердце бешено колотилось, но при этом где-то в глубине сознания уже начинало расти сожаление.

Лайла практически вынуждала Шейна заглотить наживку: бросить ее, обозвать сукой, вернуть ей все сполна и еще добавить от себя сверху. Многие мужчины захотели бы — и поступили бы так — без малейших сомнений.

А он — нет. Он всего лишь покачал головой и опустил глаза.

Когда Шейн заговорил, его голос звучал устало.

– Наверное, мне стоит проветриться. Думаю, нам нужно

немного остыть.

— Ну или вообще уезжай, если уж на то пошло! — Она выкрикнула это раньше, чем осознала, что говорит. Тем не менее Лайла продолжила, испытывая странное ощущение, будто все это происходит не с ней. — Я думаю... Я думаю, между нами... все кончено.

Он снова поднял на нее глаза. Его брови были нахмурены, губы поджаты, а лицо стало суровым и отстраненным. Он никогда раньше *так* на нее не смотрел. Это был взгляд совсем другого человека.

— Что ж, тогда и я думаю, что на этом все.

— На этом все, — повторила она.

Несколько долгих секунд Лайла не видела никакого движения.

— Ясно, — сказал он наконец.

Он слез с кровати и начал собирать свою одежду.

Непонятно почему, но она ждала, что он продолжит спорить. Попытается бороться за нее... за них. Но это и в самом деле было абсолютно не в стиле Шейна. Вот таким он был *простым*.

Однако его молчание Лайла восприняла как удар под дых.

Она сидела на краю кровати, наблюдая, как он натягивает джинсы, и чудовищное отвращение к себе росло и ширилось в ней.

Застегнув ремень, Шейн подошел к ней. Она смотрела на него снизу вверх.

— Это моя футболка, — сказал он.

Лайла опустила взгляд на выцветший незнакомый логотип у себя на груди.

— Ах, да...

Она встала, через голову сняла футболку и протянула ее Шейну. Теперь на Лайле не было ничего, кроме стрингов, и, когда он взял футболку, оставив ее обнаженной, она смущенно скрестила на груди руки. Она заметила, как он опустил глаза, и ноздри его слегка раздулись. У нее мелькнула отчаянная мысль — не попытаться ли соблазнить его на прощальный секс. Но она никогда прежде не ощущала себя менее сексуальной, чем сейчас, а кроме того, если бы он ее отверг, то она, вероятно, съежилась бы и тут же умерла от унижения.

Пока Шейн собирал свои вещи, Лайла надела майку и леггинсы. Оба отводили глаза и обходили друг друга стороной, перемещаясь по комнате. Дойдя до двери ее спальни, он помедлил и оглянулся.

Она встретила с ним взглядом, чувствуя покалывание на коже от смутной тревоги. Агрессия покинула ее почти так же внезапно, как проявилась. Все, чего она хотела сейчас, — снова забраться под одеяло и лежать, тщетно пытаясь унять угрызения совести, которые уже переполняли ее.

Как бы со стороны она услышала собственный тихий голос:

— Я не хочу терять тебя как друга.

Он резко выдохнул через нос, изобразив подобие смеха, затем смиренно покачал головой, прежде чем снова посмотреть ей в глаза.

— Мы никогда не были друзьями, Лайла.

Минуту назад она ошиблась. Вот *это* стало настоящим ударом под дых.

Потом он ушел.

После этого она сделала все возможное, лишь бы отвлечься. Она достала ноутбук и с бешено колотящимся сердцем принялась лихорадочно гуглить их имена, просматривая все соцсети и сайты со сплетнями, которые только можно было найти. К ее счастью, удивлению и облегчению оказалось, что им удалось каким-то образом избежать внимания широкой публики. К несчастью, из того, что она смогла почерпнуть из переписки с Максом и Полли — ее любимой сценаристкой, — выяснилось, что в их маленьком приключении с татуировками больше никто не участвовал. Они и в самом деле сделали парные татуировки. Она захлопнула ноутбук и свернулась калачиком под одеялом, погружившись в тяжелый, тревожный сон.

В тот же день, после того как она немного отдохнула, приняла душ, выпила кофе и восстановила водный баланс настолько, чтобы мыслить здраво, она прокрутила в голове события утра, еще сильнее терзая себя чувством вины. К мучениям добавилось еще кое-что — то, что больше всего выбило ее из колеи: острая боль утраты.

Она старалась не вспоминать те крошечные интимные моменты, которые накопились в памяти за то время, пока они с Шейном были вместе: понятные только им шутки; его привычка готовить для нее по утрам кофе; тот прискорбный факт, что лучше всего она высыпалась только с ним, когда он крепко обнимал ее, прижавшись губами к ее затылку.

Он сказал, что любит ее, лишь однажды — четыре или пять месяцев назад. Он произнес это почти неслышно, в ее плечо, посреди ночи, после того как оба необъяснимым образом проснулись одновременно и потянулись друг к другу, — во время полусонного и необычайно нежного секса. Ее это так ошеломило, что она притворилась, будто не расслышала. Если бы он повторил эти слова днем, глядя ей в глаза, чтобы не оставалось никаких сомнений, это было бы совсем другое дело. Но он этого так и не сделал.

Однако она проигнорировала его признание, потому что не поверила. Нет, она не считала, что он лжет. Конечно, они проводили много времени вместе, но обычно или работали, или трахались, и их разговоры редко заходили дальше шуток и малозначительной болтовни. Она верила, что ему нравилось думать о ней и спать с ней, нравилось, что она легко вписалась в его жизнь, оставшись одновременно и удобной, и нетребовательной. Но он не любил *ее*. Не мог любить. Она не настолько глубоко ему открылась, чтобы это стало возможным.

Иногда она ловила на себе его взгляд, от которого у нее

сжималось сердце, поскольку она понимала, что на самом деле он видит не ее, а ту совершенную, невозможную женщину из своих фантазий, которую давным-давно придумал и на которую наложил ее лицо. Он заслуживал того, чтобы быть с женщиной, за которую принимал Лайлу, — с той, кто была бы мягкой, похожей на него, кого он мог бы обнимать так крепко, как ему хотелось, без опасений быть разорванным на куски, если он отстранится.

В каком-то смысле сегодняшнее утро принесло хоть и болезненное, но облегчение. По крайней мере, он понял наконец, с кем имел дело. И ей не придется следующие месяцы жить в притворстве, будто она не замечает, как он медленно, но верно разочаровывается в ней по мере того, как узнаёт ее настоящую.

Однако в любом случае теперь им нужно было найти способ забыть все это ради шоу. Худшее, что может случиться после их разрыва, — пострадает работа на площадке.

Завтра. Она позвонит ему завтра, извинится, и они во всем разберутся.

На следующее утро ее разбудило уведомление о сообщении в групповом чате «The Nags».

ЭННИ:

Между тобой и Шейном что-то случилось?

Лайла почувствовала, как внутри у нее все сжалось.

ЛАЙЛА:

А что?

ПИЛАР:

Просто пытаемся понять, стоит его убивать или нет

Следующим сообщением Пилар скинула ссылку на сайт со сплетнями. Перейдя по ней, Лайла тут же увидела серию фотографий Шейна в клубе с друзьями. Это была целая группа подающих надежды молодых актеров, с которыми он подружился после того, как прогремел «Неосязаемый», и которых журналисты полууничижительно прозвали «Отрядом озабоченных».

В первый раз она увидела эту компанию на новогодней вечеринке, куда их с Шейном пригласили как «друзей». Один парень из этой компании оглядел ее с ног до головы, после чего наклонился к Шейну и спросил — даже не потрудившись перейти на шепот, — одинакового ли цвета ее волосы наверху и снизу. Она не стала возмущаться, просто развернулась и пошла к выходу. Она слышала эту пошлость столько раз, что неоригинальность взбесила ее даже больше, чем вульгарность.

Шейн догнал ее и уговорил остаться при условии, что он немедленно потребует от своего друга извинений. Этого оказалось достаточно, чтобы она успокоилась. К тому моменту, когда он незадолго до полуночи затащил ее в пустую спальню, она почти забыла об этом инциденте. *Почти.*

Но теперь это было единственное, о чем она могла думать, глядя на фотографию Шейна, облапавшего «ангела» *Victoria's Secret* так плотно, что можно было подумать, будто

их соединили с помощью паяльной лампы. Судя по всему, пьяный в стельку, он небрежно целовал эту девицу, а она засовывала руки ему под рубашку. В это время на заднем плане остальные члены «Отряда озабоченных» хохотали, стебались и поднимали бокалы, тиская своих девушек-моделей.

В глазах у Лайлы потемнело. Зря она не доверилась собственной интуиции. Ненависть к друзьям партнера всегда была верным признаком недолговечности отношений — одного поля ягоды. Ни для кого не было секретом, что и они до смерти ее ненавидели. Наверняка они прессинговали Шейна все эти месяцы, убеждая его поскорее с ней расстаться. Помня о том, какие скабрёзности они запросто говорили ей в лицо, она даже думать не хотела о том, в каких терминах они обсуждали ее за ее спиной.

Разумеется, Шейн был взрослым мужчиной. Никто не заставлял его засовывать язык в горло этой женщины. Он делал то, что хотел сам.

Делал то, что отныне мог себе позволить.

Лайле показалось, что она разглядывала фотографии несколько часов.

Наконец она заставила пальцы набирать текст, которым хотела выразить большее равнодушие, чем чувствовала в реальности.

ЛАЙЛА:

Хахахах

Нормально для начала. Она продолжила:

Вам не обязательно его убивать

Мы больше не вместе

Наверное, я умерла бы от стыда, если бы кто-то решил, что я встречаюсь с тем, кто ведет себя как дешевка

ПИЛАР:

боже погоди что?

ЭННИ:

С каких пор???

ИВОННА:

С тобой все в порядке?

ЛАЙЛА:

со вчерашнего дня

и кстати именно я положила этому конец

и нет, на самом деле со мной не все в порядке

я обязательно приду в себя

Она убедила подруг, что им не нужно приезжать; убедила себя, что опустошение, которое она испытывает, не стоит и выеденного яйца. Это задетая гордость, только и всего. Через неделю она обо всем забудет.

Только Шейн на этом не остановился.

Следующие несколько дней Шейна каждый вечер фотографировали с разными женщинами — как со знаменитостями, так и нет. И хотя после той первой ночи Шейн стал проявлять свои чувства в общественных местах менее демонстративно, было совершенно очевидно, что он вел себя провокационно именно там, где можно было встретить папа-

рацци или жадных до зрелищ фанатов. Никак иначе истолковать это было невозможно: он поступал так специально, чтобы причинить ей боль.

Она мысленно визуализировала собственное сердце, представив, как оно превращается в камень, чтобы как можно меньше думать о том, что оно все-таки болит.

И хуже всего было то, что она не могла ответить ему тем же. Если бы Лайла стала встречаться каждый вечер с новым парнем, пускающим на нее слюни, ее сочли бы распутной, заклеямили шлюхой, в результате чего имидж и, возможно, даже карьера оказались бы безвозвратно загубленными. Несколько феминистски настроенных желтых изданий дали поведению Шейна вполне заслуженную характеристику (назвав его жалким, безответственным и грязным), однако наиболее крупные СМИ пропели ему дифирамбы, присвоив титул мощного жеребца и идола мужественности, который с большим отрывом обскакал весь «Отряд озабоченных».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.